

К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России)

Созданные в российской деревне в результате «революции сверху» коллективные хозяйства являлись не только производственными предприятиями, но были также специфическим способом существования деревенского социума. Однако до последнего времени внимание исследователей было обращено главным образом на процесс создания коллективных хозяйств, в то время как его результат — колхозы — остается мало изученным. Между тем исследование основных характеристик колхозного сообщества, его структуры и эволюции имеет большое значение для понимания истории российского крестьянства в XX веке.

Характеризуя колхозное сообщество, прежде всего, необходимо подчеркнуть его неоднородность. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в колхозах оставалось актуальным прежнее деление деревни на «батраков», «бедняков» и «средняков». Как известно, с 1930 г. в колхозы не допускали кулаков, прошла даже специальная чистка колхозов, результатом которой стало изгнание зажиточных хозяйств, вступивших в колхозы до начала сплошной коллективизации. Беспрецедентная по своему масштабу и жестокости кампания раскулачивания, казалось бы, не оставила в деревне даже воспоминания об этой социальной категории. Тем не менее, и в середине 1930-х гг. в колхозах все еще находили «кулаков» и «кулацкие элементы», обвиняли их во всех провалах колхозного производства, во «вредительстве» и вычищали из колхозов. И позднее какие-либо формы родства или свойства с «кулаками», наличие «эксплуататорских черт» в прошлой производственной деятельности крестьянского хозяйства могли негативно повлиять на карьеру колхозного руководителя или выдвиженца. Таким образом, можно сказать, что виртуально кулаки присутствовали в колхозах на протяжении всего десятилетия.

Однако при анализе внутриколхозных отношений в начальный период существования колхозной системы, бросается в глаза не столько борьба с кулаками, о которой больше говорила и которой больше занималась власть, сколько глухое противостояние (лучше сказать, неприязнь) между середняками и бедняками. Эта конфронтация особенно заметной было в коммунах, созданных до начала сплошной коллективиза-

ции, но сохранялась в первые годы существования и в других формах коллективных хозяйств — в артелях и ТОЗах. Характер ее был скрытым, но достаточно устойчивым. В основе этой взаимной неприязни лежали материальные факторы. Вошедшие в колхозы середняки, конечно же, приносили в колхоз гораздо больше материальных средств. И чем выше была форма обобществления, тем больше был этот вклад. Беднота же похвастаться большим достатком не могла. Поэтому середняки смотрели на бедняков как на «голытьбу», «обузу», очень неохотно принимали их в колхоз, часто мотивируя это тем, что бедняки «худо работают»¹. Весьма распространенным был взгляд на бедноту, как неравных членов коллектива². Нередко в одной деревне мог образоваться отдельный «бедняцкий» и отдельный «середняцкий» колхоз.

Материальный достаток, который в крестьянском восприятии был показателем умения «вести хозяйство», в конечном итоге, становился причиной того, что в руководящие органы колхоза старались выбирать крепких, «самостоятельных» хозяев. Поэтому характерной особенностью колхозов конца 1920-х — начала 1930-х гг. было преобладание в руководящих органах представителей середняцкой части деревни. Как отмечала Вологодская губернская рабоче-крестьянская инспекция (далее — губРКИ) в 1929 г., бедняцкие группы в колхозах были представлены слабо, еще меньше они присутствовали в выборных органах. Наоборот, крепкие середняки в выборных органах колхозов были представлены выше их удельного веса в колхозах³.

Многие хозяйства принимали батраков и бедняков как рабочую силу, не допускали их в выборные органы, к решению «судьбы колхоза»⁴, оставляя бедноте, как правило, тяжелую полевую и грязную работу⁵.

Власть в своей политике по отношению к колхозам придерживалась «классового похода». В области внутриколхозных отношений это означало покровительство по отношению к бывшим батракам и беднякам, стремление выдвинуть их на руководящие посты в колхозах. Проводившиеся в это время периодические чистки колхозов сопровождались изгнанием из рядов колхозной верхушки тех руководителей, которые были замечены в «зажиме бедноты». Под ним обычно понималось «забвение интересов» бедноты в деле материального (прежде всего, хлебного) обеспечения, отстранение ее от высокооплачиваемых видов работ, обчеты при учете объема выполненной работы и т.д. Оказывая поддержку бедноте, власть, таким образом, подпитывала эту взаимную неприязнь бывших бедняков и середняков в колхозах.

Впоследствии, после неоднократных чисток колхозов от разного рода «кулацких» и «вредительских» элементов и «врагов», а также вследствие общего обнищания деревни в результате насильственной коллективизации бывшие имущественные споры сгладились, и в основе деления колхозников оказались уже иные, но также материальные в своей основе факторы.

Говоря о внутриколхозных отношениях невозможно обойти еще од-

ну грань противостояния в колхозах, хотя она и проявлялась не везде и не всегда. Речь идет о делении на «своих» и «чужих» («пришлых»), а также на «старых» и «новых» членов. Как правило, оно возникало в коммунах (а затем и в артелях), когда к сложившемуся ядру хозяйства примыкали отдельные новые («пришлые») члены. Противостояние, иногда, выражалось в разного рода угрозах и обещаниях: «сотрем в порошок приезжих»⁶.

Чужаками и новичками опять, как правило, оказывались бедняки. Видимо, все-таки основной причиной возникновения неприязни было нежелание «кормить» и «обрабатывать» чужаков, которые рассматривались как вероятные нахлебники. Особенно ярко этот мотив выступает в случае с двадцатипяти тысячниками.

Крестьяне встретили двадцатипяти тысячников не особенно дружелюбно, рассуждая, что чужака надо «кормить да еще деньги платить» и что, им «начальства не нужно, сами будем управлять и работать без руководителей»⁷. В итоге, некоторым присланным в деревню рабочим не удалось подчинить себе деревенское общество. В ходе проверки положения двадцатипяти тысячников в Северном крае в конце 1930 г., был выявлен «исключительный по своему безобразию» случай, когда командированный в деревню рабочий использовался не как организатор и руководитель колхоза, а на физической работе. Рабочий Медунов, посланный в Павлино-Виноградовский район в коммуну «Ленинский путь» сообщал, что вынужден трудиться на тяжелых физических работах, поскольку члены коммуны ему заявили: «Вы должны работать там, куда Вас пошлем. ... Мы тебя больше знаем, бери топор и иди в лес, а больше нечего тебе у нас делать. ... Днем работай, а вечером можешь проводить собрания по коллективизации»⁸. Однако приведенный выше пример, видимо, следует рассматривать все же, как исключение, а не правило.

В других колхозах в основе противоречий между старыми и новыми колхозниками лежало стремление старых членов использовать свое положение «старожилов»: они стремились получить работу «полегче», участки получше, к ним больше прислушивалось руководство колхоза⁹.

По мере развития колхозной системы старое деление на бедняков и середняков утрачивало свою актуальность. В ряду причин этого явления, помимо общего обнищания деревни, следует указать также на изменение политики власти в этом вопросе. После вывода Сталина о победе колхозного строя в деревне и призыва сделать все колхозы «большевистскими», а колхозников «зажиточными», культ бедноты вступал в прямое противоречие с указаниями вождя и задачами укрепления колхозов. Поэтому из официальной фразеологии уходит прежнее деление крестьянства на бедняков и середняков, а в пропаганде и в конкретной политике акцент теперь делается на «ударников», «передовиков» как на представителей нового строя в колхозной деревне¹⁰.

Не менее важны были изменения в ощущениях самого крестьянства. Деление на бедняков и середняков в сознании крестьян ассоциировалось

с наличием собственного хозяйства, его размерами и прочими характеристиками. В колхозе же они перестали быть самостоятельными хозяевами, но и подлинными хозяевами колхоза, как это декларировала власть, не стали, поэтому они стали соотносить себя уже с теми социальными группами, которые формировались внутри коллективного хозяйства.

Среди колхозников достаточно четко выделяются, как минимум четыре социальные группы, различавшиеся между собой по социально-экономическому статусу. При этом представляется возможным определить первые три категории как «колхозную верхушку», по аналогии с термином, получившим распространение в предшествующий период — «деревенская верхушка». В состав этой колхозной верхушки могут быть включены такие группы, как: 1) «**управленцы**» — административно-управленческий аппарат колхоза (председатель и члены правления, бригадиры, заведующие производственными участками и др.), 2) «**специалисты**», т.е. люди, получившие специальную подготовку для работы в какой-либо производственной сфере коллективного хозяйства, 3) «**передовики производства**» (в изучаемый период их также называли «ударниками», а с середины 1930-х гг. — «стахановцами»). Можно, разумеется, говорить и о начале формирования такой социальной группы как «колхозная элита», однако, применительно к периоду становления колхозного строя черты этой «элитарности» представляются достаточно условными, даже карикатурными. Действительно, исходя из понимания самого термина элита¹¹, колхозные руководители 1930-х гг. практически не отличались ни высокими профессиональными, ни деловыми, ни какими-то особыми моральными качествами, ни глубоким интеллектом, которые бы выделяли их из окружающей среды. В этом отношении они были плоть от плоти тем крестьянством, которое их выдвигало и которое составляло большинство колхоза. Определим это большинство как еще одну (четвертую) группу — «**рядовые колхозники**».

Из всей колхозной верхушки только передовики уже в 1930-е годы были близки к определению «элита», хотя, на первый взгляд, это и кажется неуместным — ведь речь идет о доярках, свиноводках, конюхах и других профессиях, связанных с физическим трудом. Между тем хотелось бы подчеркнуть высокий профессиональный уровень ударников и стахановцев, их постоянное стремление к интеллектуальному росту, поскольку их достижения опирались на пунктуальное выполнение новейших требований агрономии и зоотехники, высокие моральные качества, особенно заметные на фоне не всегда положительных примеров поведения колхозных управленцев и специалистов. В то же время занятие физическим трудом неизбежно сближало эту социальную группу с рядовыми колхозниками, а уровень их образованности, конечно, был не сопоставим, с уровнем образования тех групп, которые в нашем понимании традиционно воспринимаются как элита — деловая, военная, научная и т.д.

Следует отметить, что власть, которой располагала колхозная вер-

хушка, была достаточно ограниченной, поскольку колхозы, особенно к концу изучаемого периода, почти полностью контролировались государством. Однако в конце 1920-х — самом начале 1930-х гг., когда еще только шло становление колхозного строя, колхозы были достаточно самостоятельны в распоряжении произведенной продукцией, средствами производства, кредитами, в планировании хозяйства и т.д. Можно даже говорить о существовании в это время подлинных коллективных хозяйств, на смену которым пришли огосударствленные колхозы. Крестьяне, вступив в колхозы, воспринимали таковые как средство, прежде всего, собственного выживания и развития, их мало заботили потребности государства. И колхозная верхушка — управленцы и специалисты, как правило, разделяли подобные настроения крестьянства. Конкретно это проявлялась в невыполнении государственных поставок («как же будем сдавать лен мы государству, когда нам он самим нужен, колхозникам»¹²), в уклонении от выполнения государственных повинностей¹³, в «разбазаривании»¹⁴ колхозного имущества и т.д. Основным методом борьбы с подобными «иждивенческими» настроениями колхозных руководителей было навешивание на них ярлыка «правого уклона», «кулацкой практики» и т.п., снятие с занимаемых должностей и отдача под суд. Такими репрессивными мерами власть, в конце концов, сформировала послушный управленческий аппарат в колхозах, однако его характерной чертой стала текучесть и нестабильность кадрового состава.

Периоду относительной самостоятельности колхозов был положен конец с введением в 1933 г. знаменитой «первой заповеди» колхозников — «сначала сдай хлеб государству, а потом распределяй оставшееся на трудодни», что сопровождалось очередной чисткой колхозов и их руководящих кадров. Однако и в последующие годы рецидивы самостоятельного распоряжения собранным урожаем (до выполнения обязательств перед государством) были достаточно частым явлением среди председательского корпуса. Это свидетельствовало о слабости положения председателей, находившихся под давлением, с одной стороны, власти, требовавшей выполнения государственных поставок, а с другой — колхозников, угрожавших: «не дашь хлеба, не выйдем на работу». Выбор в пользу крестьян у председателей, решившихся на незаконное авансирование, был не только рациональным, но и традиционным.

Однако если власть достаточно тщательно контролировала ту часть властных полномочий колхозных руководителей, которая затрагивала интересы государства, то в значительно меньшей степени это касалось внутриколхозных отношений. Разумеется, существовал устав сельскохозяйственной артели — основной документ, который предполагал наличие широкой колхозной демократии, т.е. участие колхозников в принятии важнейших решений. Однако, как показывают материалы проверок соблюдения уставных норм, эта колхозная демократия существовала исключительно на бумаге. Практически повсеместно руководство колхозов демонстрировало авторитарные методы руководства, что соответствова-

ло общему уровню управленческой культуры в стране, обуславливалось традицией¹⁵, но в то же время не отрицало наличие среди председателей вполне порядочных людей, искренне болевших за колхозы¹⁶.

Колхозники мало привлекались к управлению колхозом, к обсуждению важнейших проблем хозяйственной деятельности коллективов. Все эти вопросы решались, как правило, единолично председателем колхоза, либо правлением, либо узкой группой приближенных к председателю лиц. При этом, когда отдельные колхозники, всерьез было воспринявшие государственную риторику о том, что именно они являются подлинными хозяевами колхоза, пытались реализовать свое право на участие в принятии решений, председатель (либо кто-то другой из административно-управленческого аппарата) грубо их обрывал: «не вашего ума дело», «не твое дело, ты ничего не понимаешь»¹⁷. В результате энтузиазм у таких колхозников пропадал и общие колхозные собрания или превращались в формальность, или крестьяне переставали их посещать.

В распоряжении колхозных управленцев и специалистов имелось немало возможностей проявить власть по отношению к своим односельчанам: при распределении работ и трудодней, в системе штрафов и премий, при направлении на лесозаготовки, в денежном и натуральном авансировании и т.д. Как показывают документы, в колхозах процветали родственные отношения, стремление назначить на хорошо оплачиваемые посты и работы близких родственников и друзей. Ценился не профессионализм, деловые качества, а родственные связи и преданность председателю (бригадиру, заведующему МТФ и т.д.).

Если наличие особых управленческих функций у первых двух групп колхозной верхушки в общем-то не вызывают сомнений, то существование их у передовиков может показаться не столь очевидным. Между тем, ударничество, например, предполагало не только высокую производительность труда в колхозе, но и «авангардную роль в колхозном производстве»¹⁸. Под этим понимались поиски новых методов, которые бы улучшали качество работы и повышали производительность труда. Поэтому ударники, стахановцы, как правило, искренне озабоченные состоянием колхозного производства, на собраниях высказывали различные соображения и предложения по совершенствованию общественного хозяйства. Они же использовались для разоблачения «лодырей и разгильдяев»¹⁹. Ударники и стахановцы служили резервом для комплектования управленческого звена колхозов.

Следует также учесть, что передовики, созываемые на различные совещания, слеты, съезды, обсуждали самые разные проблемы колхозного производства, в результате которых принимались различные постановления, призывы, нацеленные на совершенствование колхозного механизма хозяйствования и управления.

Необходимо отметить и особые отношения передовиков с властью. В некоторых случаях они были этой властью более обласканы и привечаемы, нежели представители управленческого аппарата колхозов. Если у

последних периодически обнаруживались какие-либо негативные («не-социалистические»), а иногда даже и откровенно «вредительские» черты, то передовики почти всегда властью воспринимались как порождение нового, социалистического уклада в деревне и всячески поощрялись, как морально, так и материально. По всей видимости, если вдруг у них обнаруживались какие-то «пятна» их просто переставали замечать и выдвигать. При этом ударники и стахановцы, в случае возникновения каких-либо трений с колхозным руководством или иных проблем, имели возможность апеллировать к представителям власти самого высокого уровня, например, лично к И. Сталину, М. Калинин и другим лидерам партии и государства, не говоря уже о руководителях районного и краевого (областного) звена. Большую роль играл уже сам фактор личного знакомства с высшими партийными и государственными деятелями. Известны случаи, когда именно благодаря наличию таких передовиков колхозу удавалось снизить размеры государственных повинностей²⁰. В целом, можно сказать, что передовики были более защищены перед вышестоящей властью, нежели управленцы и специалисты.

Принадлежность к категории управленцев означала близость не только к власти, но и к хлебу. Главное преимущество административно-управленческого аппарата состояло в том, что, не принимая участия в физическом труде в общественном производстве, они, как правило, получали твердую ставку (в трудоднях, а очень часто и в денежном выражении²¹). В конце 1930-х гг. размеры ставки председателя колхоза доходили до 55 трудодней в месяц. Вторым наиболее высоко оплачиваемым постом в колхозной иерархии был счетовод, наиболее авторитетный из специалистов, как правило, самый образованный человек в колхозе.

Помимо ставки управленцы и специалисты могли рассчитывать на разные премии, а также использовать не всегда законные методы увеличения числа трудодней — например, приписки. Последнее было особенно распространено среди бригадиров. В их распоряжении оставались также и достаточно широкие возможности для разного рода «самоснабжения»²².

В принципе можно говорить о финансовой бесконтрольности колхозных руководителей в изучаемый период. Вместе со своим постом они получали доступ к денежным и натуральным средствам колхоза, которые часто использовали по-своему усмотрению. Например, растраты были не только обычным, но и весьма распространенным явлением в колхозах. Согласно годовым отчетам колхозов за 1937 г., растраты были выявлены почти в трети (28,4%) колхозов Вологодской области на сумму 942,6 тыс. руб. Но вряд ли эти сведения можно считать полными. При этом особенно много растрат было в тех колхозах, где председатель одновременно занимал должность кассира²³.

В отдельных колхозах суммы растрат были очень велики. Например, председатель колхоза «Красный перелом» Череповецкого района А-в растратил 3131 руб., председатель колхоза «Маяк» Ш-в растратил 2800

руб.²⁴ Главным «компаньоном» председателя в растратах обычно выступал счетовод, кассир, кладовщик.

Растраты свидетельствовали о бездеятельности ревизионных комиссий колхозов, т.е. о фактическом отстранении колхозников от контроля за финансовой деятельностью руководства.

Анализ таблицы 1 Приложения показывает, что в основном деятельность руководящей верхушки колхозов контролировалась ревизионными комиссиями самих колхозов и только иногда проводились ревизии работниками районных земельных отделов (далее — райЗО) и МТС. Между тем известно немало случаев, когда колхозные ревизионные комиссии писали свои акты под прямым давлением колхозного руководства или совсем не допускались к осуществлению своей деятельности²⁵.

Свое влияние на благоприятные, «удобные» для колхозной верхушки выводы колхозных ревизионных комиссий оказывали и достаточно тесные родственные узы членов колхоза, приятельские и дружеские отношения, неизбежные в небольших по размерам северных колхозах. Из таблицы 1 также видна низкая ревизионная активность проверяющих органов. В колхозах Европейского Севера в лучшем случае проходили одна-две ревизии в год, в то время как в соответствии с Примерным уставом сельхозартели 1935 г. полагалось проводить четыре ревизии в год²⁶. В целом по стране и республике ситуация была несколько лучше, но также не соответствовала уставным нормам.

Существовало множество каналов перекачивания денежных средств в карман колхозной верхушки. Одним из таких способов, например, было выписывание фальшивых командировочных удостоверений²⁷. Богатые возможности для хищений давала колхозная торговля. Известно множество примеров, когда председатель колхоза (иногда вместе с группой близких к себе лиц) присваивал часть денег, вырученных от продажи колхозной продукции. Наконец, материалы по проверке колхозов, зафиксировали прямое присвоение денежных средств колхоза, без какого-либо «бумажного» оформления.

Помимо присвоения денежных средств колхоза и «самоснабжения», были и другие источники повышения жизненного уровня для колхозной верхушки — например, вымогательство у колхозников денег и продуктов, как в открытой форме, так и в виде «угощений»²⁸.

Вопрос о доходах разных категорий колхозников нуждается в специальном исследовании, однако, видимо, уже сейчас можно сделать вывод, о том, что нахождение «при местах» предоставляло возможности для вполне сносного существования даже в нищих северных колхозах. О том, насколько не сопоставимы были доходы колхозной верхушки и рядовой колхозной массы очень ярко свидетельствует ситуация в колхозе «Косарево» Зиновьевского сельсовета Грязовецкого района Северного края летом 1932 г.

В этом колхозе в качестве товара стимулирования маслозаготовок в сельпо²⁹ не завезли никаких товаров, кроме конфет-леденцов типа «мон-

пансье» («ландрин», как его называли колхозники). Их продавали пропорционально количеству заработанных трудодней. Некоторые колхозники, имевшие мало трудодней, получили по 3 «ландрина» (леденца). Это стало одной из причин выходов крестьян из колхоза под лозунгом: «На три ландрина в колхозе не проживешь». Председатель этого колхоза, имея свои «твердые» председательские 45 трудодней и 90 трудодней в месяц своих дочерей (свинарки и телятницы) получил «целое решето ландрина»³⁰.

Выгоды от нахождения «при местах» были бесспорны, прекрасно осознавались крестьянами³¹. Отсюда — разбухание управленческого аппарата и увеличение административно-управленческих расходов колхозов. Последние, по данным годовых отчетов колхозов Вологодской области за 1937 г., составили 2690 тыс. руб. (или 3,1% всех расходов³²). При этом более половины всех колхозов (52,3%) израсходовали на содержание аппарата более 2%, положенных по уставу сельхозартели, 41,7% — от 1 до 2%, и только 5,5% колхозов — менее 1%³³. В отдельных колхозах доля административно-управленческих расходов доходила почти до 30%³⁴.

В заключение этого сюжета — несколько слов о доходах передовиков. Исходя из зарабатываемого ими количества трудодней и премиального поощрения, они также были весьма высоки³⁵. Правда, если для административно-управленческого аппарата и специалистов это было следствием их особого положения в колхозе, то для передовиков уровень их благосостояния зависел, главным образом от результатов их личного трудового участия в производственной деятельности колхоза. И этот физический труд сближал передовиков с рядовыми колхозниками. В этой связи необходимо отметить, что как показал анализ так называемых стахановских методов (например, в животноводстве — «метод получения высоких удоев доярки Н. Груздевой», или «метод свинарки А. Люсковой»), они предполагали очень высокую степень интенсификации труда, что не всегда было по плечу рядовой колхознице, обремененной к тому же большой семьей. Другими словами, высокий заработок передовиков давался им тяжелым трудом, и для многих все же это было очевидно³⁶, в то время как высокие доходы управленцев в глазах крестьян казались «легким хлебом», вызывали злобу и зависть³⁷.

Несмотря на близость колхозной верхушки к власти и к хлебу, далеко не все колхозники стремились пополнить ее ряды. Серьезной преградой к переходу в разряд передовиков была сама потогонная система ударничества и стахановизма, а в случае с управленцами — отпугивала неустойчивость их положения.

Одной из характерных черт административно-управленческого аппарата колхозов в 1930-е гг., как уже отмечалось выше, была его текучесть и нестабильность, что значительно подрывало социальный престиж этой группы. Снятие председателей правлений колхозов, а также роспуск правлений требовал санкции советских и партийных органов. Однако это

требование не всегда соблюдалось³⁸. Известны случаи, когда колхозники меняли состав правления и председателя, даже не ставя об этом в известность районные власти.

К сожалению, не удалось обнаружить какой-либо полных и систематических статистических материалов о роспуске колхозов, правлений и снятии председателей колхозов в начале 1930-х гг. Как правило, подобная информация разрознена и отрывочна, тем не менее, она позволяет увидеть главную тенденцию — высокую текучесть руководящих кадров колхозов, которая во многом была результатом активности власти по очищению колхозов от всякого рода «классово-чуждых элементов».

Так, в докладе на III пленуме Севкрайкома ВКП(б), состоявшемся в конце 1932 г., секретарь крайкома Д. А. Конторин признал нестабильность председательского корпуса колхозов края: 1874 из 2481 (т.е. 75,5%) председателей колхозов работали меньше года³⁹. Текучесть же среди бригадиров, по его словам, была просто «неимоверная»⁴⁰.

Как известно, в январе 1933 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором выступил И. В. Сталин с докладом «О работе в деревне», где он назвал основные причины хлебозаготовительных трудностей 1932 г. Одной из таких причин, по его мнению, стало изменение тактики классового врага, который приспособился к новой обстановке и перешел «от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой»⁴¹. Слова вождя были восприняты на местах как руководство к действию: колхозы и, особенно, колхозная верхушка были подвергнуты тщательной проверке и чистке. Свою лепту в чистку колхозов внесли созданные в январе 1933 г. политотделы МТС.

Только с января по апрель 1933 года в Северное краевое земельное управление утвердило роспуск 52 правлений колхозов и снятие с должности 85 председателей правлений⁴². Из них материалы на 17 правлений (32,7%) и 25 (29,4%) председателей были переданы в следственные органы для привлечения их к уголовной ответственности⁴³. Но результаты чистки были, очевидно, более масштабными, поскольку существовала, как уже отмечалось, практика снятия председателей и роспуска правлений без санкции краевых и даже районных властей.

В 1935 г. в Вологодском сельском районе Северного края из 75 председателей работали пятый год — 7 человек (9,3%), четвертый год — 10 (13,3%), третий — 14 (18,8%), второй — 31 (41,3%), первый год — 13 человек (17,3%)⁴⁴. Таким образом, более половины председательского корпуса района работало не более двух лет. Очевидно, что это очень небольшой срок, для того, чтобы получить навыки управления, наладить работу коллективного хозяйства. Прямым следствием частой смены колхозных руководителей была экономическая нестабильность самих коллективных хозяйств.

Текучесть среди руководящих кадров колхозов, как видно из таблиц 2-4 Приложения, оставалась высокой и в последующие годы. При этом ведущим мотивом снятия с поста председателя колхоза было «не обеспе-

чение руководства», что соответствующим образом характеризует деловые качества и профессиональный уровень колхозных управленцев. В конце 1930-х гг. ситуацию усугубило введение всеобщей воинской повинности.

Примером настоящей «председательской чехарды» может служить колхоз «Завет Ильича» Кубено-Озерского района Вологодской области, где с 1931 по 1939 год сменилось 22 руководителя колхоза, в том числе только за последний год — 3. Председателем колхоза на момент проверки являлся некто Г-в, который уже однажды руководил этим колхозом, затем был осужден на 10 лет, из которых отбыл только 4 года⁴⁵. Подобная ситуация была и в колхозе «Красный Шингарь» Междуреченского района, в котором за 1931-1939 гг. сменилось 9 председателей колхозов. Последний председатель колхоза — С-в, за расхищение социалистической собственности в колхозе в 1932 г. был осужден на 10 лет, но, отбыв только 2,5 года, вернулся в колхоз. В 1937 г., будучи кладовщиком, переморозил 2 тонны картофеля, за что был осужден на 10 месяцев принудительных работ. В 1939 г. он возглавил колхоз, став третьим председателем за год, при этом он, по словам инструктора РК ВКП(б), «скандала и пьянствуя, разлагал колхоз»⁴⁶.

Следует отметить, что избрание председателей вторично, иногда после освобождения их из мест заключения было достаточно распространенным явлением. Причина этого — «безлюдье», которое было результатом всей аграрной политики власти в целом, в том числе и следствием всех этих бесконечных «классовых» чисток, которые, с одной стороны, «обескровили» деревню, а с другой — сделали очень непопулярной председательскую должность⁴⁷.

Характеризуя колхозную верхушку 1930-х гг., необходимо отметить ее низкий авторитет в глазах окружающего крестьянства. Одной из причин этого был достаточно низкий образовательный и профессиональный уровень управленцев и специалистов.

В 1930-е гг. хотя и проходила активно кампания по ликвидации безграмотности, и, как известно к концу десятилетия в этой области были достигнуты значительные успехи, однако, значительная часть взрослого населения деревни, из которого и формировался председательский корпус все же оставалась сравнительно малограмотной, а в начале колхозного периода иногда и просто безграмотной. К сожалению, пока не представляется возможным подтвердить это положение какими-то цифровыми выкладками, но, видимо, можно сослаться на оценку ситуации современниками. Партийные и советские руководители на протяжении всего периода отмечали низкий образовательный уровень колхозной верхушки. В докладе о состоянии колхозного строительства в Северном крае за 1931 г. прямо указывалось на наличие в некоторых колхозах совершенно безграмотных председателей. В качестве примера приводился председатель правления колхоза «Верхняя Ерга» Великоустюгского района, совершенно безграмотный, который заявил в сельсовете: «Вы посылайте,

товарищи, к нам в колхоз бумагу тоненькую и очень было бы хорошо, если бы не записанную, а то эту бумажку курить все же худо — читать мы ее все равно не читаем — грамотных нет»⁴⁸.

Не трудно предположить, какая ситуация в этом и множестве других колхозов складывалась с руководителями более низкого звена — заведующими производственными участками, бригадирами и т.д.

В результате чистки колхозного руководства в Северном крае, по данным краевого земельного управления, только за январь-апрель 1933 г. были освобождены по причине малограмотности, и в силу этого полной неспособности к руководству колхозами, 14 председателей колхозов, что составило 16,5% всех снятых со своих должностей председателей за этот период⁴⁹.

Ситуация усугублялась не только кадровой политикой власти, но и значительной миграцией из деревни, в результате чего из деревни вымывались более образованные (хотя бы и в рамках начальной школы) и мобильные в социальном плане слои населения. Студент Ленинградской высшей колхозной сельскохозяйственной школы им. Кирова М. П. Карванен, бывший на каникулах в одном из колхозов Бабаевского района Вологодской области в 1937 г., сообщал обком партии, что в результате массового бегства крестьян из деревни в одном из колхозов Спириковского сельсовета около трех месяцев не было даже председателя и колхозом руководил «малограмотный старик», который одновременно являлся конюхом, кладовщиком, мельником и всем, чем хочешь⁵⁰.

Косвенным доказательством достаточно низкого образовательного уровня колхозной верхушки могут служить данные об их возрастном составе. Имеющиеся сведения о возрасте председателей колхозов Вологодского сельского района за 1935 г.⁵¹ показывают, что их детские годы пришлись на дореволюционный период, характеризовавшийся низким уровнем грамотности среди сельского населения России.

Как правило, уровень профессиональной подготовленности председателей и колхозных специалистов ограничивался курсами разной продолжительности — от нескольких недель до нескольких месяцев. Работа по подготовке колхозных кадров имела большой размах, однако ее результаты нивелировались высокой текучестью среди колхозного руководства.

Специалисты с высшим образованием, даже к концу 1930-х гг. в силу своей малочисленности не попадали в колхозы, оседая, как правило, в областных, районных организациях, или в лучшем случае в МТС и совхозах. Как видно из таблицы 5 Приложения, на всем Европейском Севере только в одном колхозе был специалист-агроном с законченным высшим образованием⁵². Однако качество работы специалистов районного звена вызывало со стороны партийных и советских органов много нареканий.

К сожалению, не удалось обнаружить каких-либо системных сведений о наличии в колхозах специалистов со средним или незаконченным высшим образованием. Материалы обследований колхозов разными

уполномоченными и проверяющими дают лишь примеры конфликтных ситуаций между колхозниками и специалистами. Так, в 1931 г. в Бортниковской сельхозартели Грязовецкого района Северного края был зафиксирован случай не подчинения колхозников указаниям помощника агронома (административно-высланного), а во время посевной кампании дело дошло до побоев специалиста⁵³.

Безусловно, одним из наиболее мощных факторов, подрывавших авторитет административно-управленческого аппарата колхозов, было пьянство.

Какой-либо статистики о проявлениях пьянства и алкоголизма среди руководящего состава колхозов, разумеется, не велось. Представление о количественной стороне этого явления может быть составлено лишь на основании сведений о смене председателей колхозов. Однако сами по себе эти сведения отрывочны и разрознены. В то же время материал обследований колхозов разными проверяющими и уполномоченными позволяет сделать вывод о том, что пьянство — одна из характерных черт колхозных управленцев в изучаемый период. Такие уполномоченные направлялись краевыми (областными) партийными и советскими органами в районы и колхозы фактически на протяжении всего года, поскольку одна хозяйственно-политическая кампания сменяла другую. И каждый уполномоченный считал своим долгом отметить существование этой проблемы. Таким образом, случаи пьянства колхозного руководства оказались зафиксированными на протяжении всего года и по разным районам и колхозам края (области), что можно расценивать как вполне репрезентативную выборку.

Как уже отмечалось, каких-либо статистических сведений о распространении пьянства как явления среди колхозного руководства обнаружить не удалось. Исключение составляют уже упоминавшиеся материалы Северного краевого земельного управления о роспуске колхозов и снятии председателей колхозов за период с января по апрель 1933 г. В перечне причин роспуска 5 правлений (10% от общего числа) и снятия 11 председателей колхозов (13%) фигурировало «систематическое пьянство»⁵⁴.

Распространению пьянства среди колхозного руководства способствовало множество факторов. Во-первых, его можно рассматривать как своеобразную (при этом — традиционную) форму релаксации после тяжелых психологических и физических нагрузок, ложившихся на плечи руководителей. Ведь они попадали на свои должности, не имея практически никакой специальной подготовки, никакого опыта, причем в таких условиях, когда и сама колхозная система находилась еще в стадии становления. В этом отношении весьма характерен пример, зафиксированный в 1932 г., заметим, в одном из старых колхозов Вологодского района (создан в 1925 г.) — в колхозе «Новый путь». Заведующий МТФ данного колхоза М-в на протяжении всего периода обследования колхоза был пьян. Свое поведение он оправдывал словами: «Колхоз наш больной, с

этого расстраиваешься и пьешь»⁵⁵.

Необходимо также учитывать постоянное давление власти, очень жестко требовавшей выполнения государственных повинностей. За невыполнение распоряжений власти часто следовало наказание не только в виде снятия с должности, но и в форме привлечения к уголовной ответственности. Все это колхозные руководители могли наблюдать на примере ближайших колхозов в своем сельсовете и районе. Не каждому удавалось справиться с подобным прессингом каким-либо «цивилизованным» путем. При этом подверженными этой слабости оказывались как беспартийные, так и члены ВКП(б). Можно также отметить и то, что некоторые двадцатипятидесятники, командированные партией для развертывания колхозного строительства, оказались «не на высоте», поскольку, очутившись в новых условиях перед лицом труднейших задач, также впали в пьянство. Например, ленинградский рабочий Г-н, находясь в течение месяца в Патракеевской артели Приморского района Северного края, вместо деловой работы почти ежедневно пьянствовал, Дело доходило до того, что он иногда просто валялся на дороге, кричал, что ему не хватает пайка. По мнению партийных органов, это подрывало авторитет питерского пролетариата, и вызывало злорадные ухмылки кулаков. Г-н был привлечен к ответственности и снят с работы⁵⁶.

На фоне пьянства также были нередки хулиганские выходки среди колхозных руководителей, в отдельных случаях они переходили в разряд уголовных преступлений. В Сямженском районе Вологодской области 6 октября 1938 г. председатель колхоза Р-н (кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г.) во время коллективной пьянки нанес 2 удара топором колхознику П-у, которого в тяжелом состоянии направили в больницу. Р-н был привлечен к уголовной ответственности. Подобный факт произошел и в Харовском районе, где председатель колхоза «Пламя» Л-в, также кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., систематически пьянствовал, допустил хулиганство, выразившееся в избивании колхозника⁵⁷. Среди негативных черт колхозного руководства, наряду с пьянством, также следует назвать грубость, высокомерие, нецензурную брань, рукоприкладство.

Подводя итоги характеристике колхозного социума необходимо отметить, что в изучаемый период названные выше социальные группы еще только находились стадии формирования. На смену принятому ранее делению деревенского сообщества, исходившему главным образом из экономической мощности (материального достатка) хозяйств, пришла более сложная стратификация, учитывавшая такие факторы как объем власти, уровень дохода, образования и профессиональной подготовки, престиж.

Колхозная верхушка еще только выделялась из основной массы крестьянства и мало от него отличалась. Власть ее была весьма ограниченной, доходы сравнительно невысоки, уровень образования и престиж низки. И само пребывание «на верху» по воле властей могло закончиться резким и быстрым падением. Видимо эта нестабильность порождала у

колхозного руководства такие черты, свойственные «временщикам» всех времен и народов как грубость, демонстрация чувства превосходства, по отношению к людям, стоящим ниже на социальной лестнице, стремление максимально использовать время нахождения в верхах для удовлетворения своих материальных потребностей. Отсюда же — обилие разного рода незаконных (и неэтичных с точки зрения крестьянского общества) способов получения дохода.

Необходимо также отметить высокую социальную мобильность колхозного сообщества. Если раньше было очень трудно подняться из бедняков в середняки, то теперь возвыситься над основной массой колхозников можно было достаточно быстро. В этом особенно высока была роль власти, которая целенаправленно формировала необходимый для себя тип управленцев, специалистов, колхозников, исходя, прежде всего, из своего «классового» идеала. Но в то же время в процессе складывания колхозной верхушки оказывались очень влиятельными и традиционными факторы, например, родственные связи, игравшие большую роль в выдвижении на выборные должности в колхозе. Сам тип руководства и управления носил достаточно традиционный характер.

В заключение отметим, что изучение колхозного социума нуждается в дальнейшем исследовании, особенно в той его части, которая касается моделей поведения разных социальных групп.

Приложение

Таблица 1. Ревизии в колхозах в 1937 г.

Республика, область	Число колхозов на 1 января 1938 г.	Число колхозов, в которых в 1937 г. были проведены ревизии				Число проведенных за год ревизий			
		ревизионными комиссиями колхозов		райЗО или МТС		ревизионными комиссиями колхозов		райЗО или МТС	
		Абс.	В %% к общему числу колхозов	Абс.	В %% к общему числу колхозов	Абс.	Число ревизий на колхоз	Абс.	Число ревизий на колхоз
СССР	241027	207287	86,0	70784	29,4	606406	2,5	93472	0,4
РСФСР	171285	147974	86,4	44804	26,2	435525	2,5	55388	0,3
Архангельская область	2164	1763	81,5	335	15,5	3765	1,7	383	0,2
Вологодская область	5954	4279	71,9	886	14,9	10563	1,8	1078	0,2
Карельская АССР	900	627	69,7	307	34,1	1171	1,3	426	0,5
Коми АССР	683	531	77,8	97	14,2	1118	1,6	107	0,2

Рассчитано по: Колхозы в 1937 году (по годовым отчетам). Ч.1. Растениеводство. НКЗ СССР. Учетно-статистический отдел. Оглашению не подлежит. ДСП. М., 1939. С. 4-7.

Таблица 2. Общая характеристика текучести среди председателей колхозов Вологодской области в 1938-1939 гг.

Год	Наличие председателей колхоза на 1 января	Сменилось председателей колхоза за год	% сменяемости	Из них призвано в РККА по мобилизации	Сменилось председателей колхозов без призыва в РККА	% текучести без призыва в РККА
1938	5971	2756	46,2	—	—	—
1939	5922	2718	45,9	1338	1380	23,3

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 55.

Таблица 3. Характеристика сменяемости председателей в колхозах Вологодской области в 1939 г.

Количество колхозов, где сменились председатели:			
один раз	два раза	три раза	четыре и более раз
2154	209	46	7

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57.

**Таблица 4. Причины текучести среди председателей
в Вологодской области в 1939 г.**

Всего	Сменилось за год	В том числе:						
		выдвинуто на ответст- венную работу	перемещено в другие колхозы	снято за злоупот- ребления	освобождено за необеспечение руководства	по личному желанию	по разным причинам	призвано в РККА
5922	2718	221	31	122	670	173	163	1338
%	45,9	8,1	1,1	4,5	24,7	6,4	6,0	49,2

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 55.

**Таблица 5. Специалисты системы Наркомата земледелия
с законченным высшим образованием на 1 января 1939 г.**

Область, АССР	Специальность	Аппарат		Колхозы	МТС
		облЗО, НКЗ АССР	горЗО, райЗО		
РСФСР	Всего	3745	2774	29	1251
	в т.ч. агрономы	1215	680	23	1112
	зоотехники	666	773	5	14
	ветврачи	291	1184	—	—
	инженеры	1202	119	—	102
Архангельская область	Всего	58	36	1	4
	в т.ч. агрономы	13	2	1	4
	зоотехники	12	6	—	—
	ветврачи	7	28	—	—
	инженеры	19	—	—	—
Вологодская область	Всего	56	41	—	15
	в т.ч. агрономы	10	8	—	11
	зоотехники	18	10	—	—
	ветврачи	7	23	—	—
	инженеры	15	—	—	1
Карельская АССР	Всего	23	11	—	1
	в т.ч. агрономы	7	4	—	1
	зоотехники	3	2	—	—
	ветврачи	1	5	—	—
	инженеры	10	—	—	—
Коми АССР	Всего	19	8	—	1
	в т.ч. агрономы	7	1	—	1
	зоотехники	4	2	—	—
	ветврачи	5	4	—	—
	инженеры	3	1	—	—
СССР	Всего	5410	5424	57	3083
	в т.ч. агрономы	1853	1669	38	2785
	зоотехники	914	1610	17	25
	ветврачи	417	1762	—	—
	инженеры	1778	335	—	221

Источник: Специалисты системы НКЗема с законченным высшим образованием на 1.01.39. ДСП. М., 1939. С. 30-35, 56-57.

Примечания

¹ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 237. Л. 73.

² Подобные взгляды открыто высказывались на собраниях, например, в коммунах им. Ленина, «Искра» Няндомского округа Северного края: «бедняк пришел без ничего», беднота «умом слаба» и т.д. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 237. Л. 75.

³ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1222. Л. 21 об.

⁴ Например, это отмечала Вологодская губРКИ в коммунах «Смена», «Возрождение» «Рассвет», «Красная», им. Сталина и др. ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1222. Л. 21 об. Д. 1228. Л. 12, 31 об.

⁵ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 30 об.

⁶ Из материалов обследования коммуны «Искра» Котласского района Северного края, 1932 г. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1344. Л. 82.

⁷ Именно так, например, восприняли крестьяне появление двадцатипяти тысячника Поздеева в Павлино-Виноградовском районе Северного края. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1105. Л. 4.

⁸ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 784. Л. 29-30.

⁹ Например, так было в коммуне «Огонек» Северного края. ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 70.

¹⁰ Правда, в разного рода анкетах, часто заполняемых советскими гражданами, в автобиографиях, они по-прежнему подчеркивали свое происхождение из бедняцкой или середняцкой семьи.

¹¹ Элита (фр. Elite – лучший) — наиболее видные представители части общества, слоя, группы, политического движения и т.д., обладающие высокими профессиональными и деловыми качествами, глубоким интеллектом, что выделяет их из окружающей среды // Политологический словарь / Под. ред. проф. В.Ф. Халипова. М, «Высшая школа», 1995. С. 169-170.

¹² Из решения правления коммуны «Искра» Котласского района Северного края (1932 г.). ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1344. Л. 82.

¹³ Например, в начале 1930-х гг. председатель колхоза мог заявить в райкоме партии: «Коли ставить крест на сельское хозяйство — давайте выполнять лесозаготовки» (председатель Тигинского колхоза Вожегодского района Северного края — Дементьев, исключенный за это высказывание из партии). ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 765. Л. 100.

¹⁴ Под «разбазариванием» понимался достаточно широкий спектр действий, начиная от продажи на колхозном рынке (в ущерб государственным поставкам) каких-либо сельскохозяйственных продуктов, произведенных в колхозе, до распределения хлеба (льна, сена и т.д.) между колхозниками вместо выполнения государственных поставок или пополнения общественных фондов. Кроме того, иногда под «разбазаривание» попадали такие действия или допущение таковых со стороны колхозников как расхищение колхозной продукции, потрава посевов, доведение до гибели колхозного скота и т.д.

¹⁵ В некоторых колхозах крестьяне так и говорили о своем председателе: он «правит» нами (колхоз «Косарево» Грязовецкого района Северного края), называли председателя «царем», а его жену — «царицей» (Сомковский колхоз Приозерного района Северного края). ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1294. Л. 89. Д. 1342 Л. 52-53.

¹⁶ Например, старожилы Устьянского района Архангельской области впоследствии вспоминали, что «хороший-то, в общем, человек, питерский рабочий Виноградов, оказавшись во главе Коптяевской сельхозартели, не брезговал лично залить огонь в печи, перевернуть квашню с тестом у запоздавшей на работу многолетней колхозницы, а днем прискакать в поле, привезти последний хлеб от своей семьи и раздать бабам-пахарям». А.Е. Кононов. На хлебном колосе. Старина и новь устьянских деревень. Очерки. Октябрьский, 1992. С. 50.

¹⁷ ГАОПДФАО. Ф.290. Оп. 1. Д. 782. Л. 97 и др.

¹⁸ Н. Попов. Ударничество в колхозах (К призыву сталинских ударников) // Большевицкая мысль. 1933. № 10. С. 19.

¹⁹ Н. Попов. Ударничество в колхозах (К призыву сталинских ударников) // Большевицкая мысль. 1933. № 10. С. 20.

²⁰ В качестве примера можно привести М.В. Корюкину — свинарку-стахановку из колхоза «Буденовец» Междуреченского района Вологодской области, депутата Верховного Совета СССР, которой удалось, используя свое имя, прогремевшее на всю страну, добиться для своего колхоза снижения разряда по урожайности (правда, всего на одну группу), что привело к некоторому снижению размера натуроплаты МТС для колхоза. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 245. Л. 161.

²¹ Как отмечалось в докладной записке инструктора сельхозотдела Вологодского обкома ВКП(б), в некоторых колхозах Череповецкого района до августа 1937 г. 300 председателей получали кроме трудодней денежную зарплату, которая в отдельных колхозах доходила до 200 руб. в месяц. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 37.

²² Под этим эвфемизмом скрывались обычные кражи и хищения.

²³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 5. При этом по годовым отчетам колхозов Вологодской области их денежный доход от всех источников за 1937 г. составил 85985,7 тыс. руб. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 241. Л. 139.

²⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 37.

²⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1342. Л. 52-53.

²⁶ СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

²⁷ Например, председатель колхоза «Красный пахарь» Вологодского района только за 10 мес. 1939 г. выписал себе 24 командировки, никем не удостоверенные, на 182 руб. ВОАНПИ. 2522. Оп. 2. Д. 452. Л. 30. Это же обстоятельство послужило одной из причин снятия с должности и отдачи под суд председателя колхоза «Стризнево» Чебсарского района Северного края в 1933 г. ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Л. 87.

²⁸ Колхоз «Восход» Кич-Городецкого района Северного края. ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Л. 28.

²⁹ Так назывался магазин сельской потребительской кооперации.

³⁰ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1342. Л. 52-53.

³¹ Здесь необходимо отметить, что далеко не все должности были для колхозников одинаково привлекательны. Более всего ценились должности счетовода, кладовщика, завхоза. Самым непопулярным, видимо, в силу большой ответственности, был пост председателя колхоза.

³² В соответствии с Примерным уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. на административно-управленческие расходы можно было выделять не более 2% денежных расходов. СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

³³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 1-2.

³⁴ Например, в колхозе «Суда» Череповецкого района Вологодской области в 1938 г. административно управленческие расходы составили 29%. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 36.

³⁵ В качестве примера можно привести известную стахановку-льновода А.А. Малову, которая за 1938 год получила только в качестве премии за выращенный и сданный государству лен немислимую для рядовых колхозников сумму — 6833 руб. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 165. Л. 69. Для сравнения: за 1938 г. в Вологодской области было выдано колхозникам на трудодень в среднем по 39,5 коп. При этом в 84 колхозах из 5976 деньги вообще не выдавались, а в 3309 колхозах (55,4%) колхозники получили на трудодень менее 20 коп. И только в 4 колхозах области на трудодень было начислено от 3 до 4 рублей. Свыше 400 трудодней выработало 45477 колхозников (8,4% от всех принимавших участие в общественных работах). Сведений о колхозниках, выработавших 1000 трудодней, по области нет. С учетом этих данных, видим, что уровень дохода, полученного Маловой был недостижим даже для многих передовиков. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 241. Л. 152.

³⁶ Трения между рядовыми колхозниками и передовиками на почве материальных доходов, конечно, также имели место, но представляется, что накал страстей здесь все же был меньше, чем в случае с управленцами.

³⁷ Из письма членов колхоза «Новое Пачево» Кирилловского района Вологодской области: «... 40 человек работают, а живется только управлению, ... колхозники знают работать да посматривать, как управление живет как прежние кулаки». ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 55.

³⁸ В 1939 г. в Вологодской области было освобождено председателей колхозов по решению советских и партийных организаций — 250 человек, по решению самих колхозников — 2364 человека. Остальные выбыли самовольно. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57.

³⁹ Д.А. Конторин. Борьба за урожай в новой обстановке. Архангельск, 1932. С. 29.

⁴⁰ Д.А. Конторин. Борьба за урожай в новой обстановке. Архангельск, 1932. С. 14.

⁴¹ И.В. Сталин. О работе в деревне. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. // Большевицкая мысль. 1933. № 1. С. 36.

⁴² На 1 января 1933 г. в Северном крае насчитывалось 6612 колхозов. Отчет III краевому съезду Советов. 1931-1934. Архангельск, 1935. С. 64.

⁴³ Рассчитано по: ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Лл. 44, 46, 49, 52, 60, 62, 64, 66, 78 об., 75, 76, 77, 77 об., 136, об., 137, 165-166, 194, 196, 203, 213-215, 253, 254, 271, 272, 300, 300 об., 321, 322, 356-359, 383-385, 520, 520 об., 535 об., 536, 562, 562 об. В Вологодской области в 1939 г. были заведены уголовные дела на 143 председателя колхозов, из них в 43 случаях дела были прекращены, т.е. почти в каждом третьем случае, привлечено к уголовной ответственности 45 человек (также примерно треть). По суду было оправдано 9 человек (6,3%). Таким образом, были осуждены и понесли наказание 36 человек (каждый четвертый из

числа привлеченных к ответственности, или 0,6% от общего числа председателей области). ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57.

⁴⁴ Рассчитано по: ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 470. Лл. 17-18.

⁴⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57-58.

⁴⁶ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 59.

⁴⁷ Так, в колхозе им. Калинина Вологодского района в 1936 г. председателем выбрали П-а, который на собрании прямо говорил: «Зачем вы меня будете садить руководителем колхоза, во-первых, вы знаете, что и так сидел за это дело и, во-вторых, я слаб в части выпивки». Но общее собрание ввиду того, что более в то время выбирать в председатели колхоза было некого, все же избрало его. В итоге П-в стал пить еще больше, подобрал себе «шайку» из пьяниц — заведующего МТФ и кладовщика, они вместе гуляли на колхозные средства. 17 апреля 1937 г. все они были сняты с работы как растратчики (485 руб.) и за то, что довели колхоз до развала. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 141.

⁴⁸ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 60.

⁴⁹ Рассчитано по: ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Лл. 44, 46, 49, 52, 60, 62, 64, 66, 78 об., 75, 76, 77, 77 об., 136 об., 137, 165-166, 194, 196, 203, 213-215, 253, 254, 271, 272, 300, 300 об., 321, 322, 356-359, 383-385, 520, 520 об., 535 об., 536, 562, 562 об.

⁵⁰ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 об.

⁵¹ Почти половина председательского корпуса района (46,7%) находилась в возрасте от 35 до 45 лет, а еще 16% председателей принадлежали к еще более старым возрастным группам. Остальные 37,3% руководителей колхозов родились уже в XX веке. ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 470. Лл. 17, 17 об., 18.

⁵² В 1938 г. на Европейском Севере СССР (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Карельская и Коми АССР) был 9701 колхоз. Колхозы в 1938 году (по годовым отчетам). Ч. II. Животноводство. ДСП. М., 1939. С. 4-5.

⁵³ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 38.

⁵⁴ Рассчитано по: ГААО. Ф. 106. Оп. 2. Д. 773. Лл. 44, 46, 49, 52, 60, 62, 64, 66, 78 об., 75, 76, 77, 77 об., 136 об., 137, 165-166, 194, 196, 203, 213-215, 253, 254, 271, 272, 300, 300 об., 321, 322, 356-359, 383-385, 520, 520 об., 535 об., 536, 562, 562 об.

⁵⁵ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1291. Л. 137.

⁵⁶ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 784. Л. 25.

⁵⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 240. Л. 197.

Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века

Россия и ее регионы в XX веке шли по пути модернизации. Процессы модернизации определяли экономическую, социальную, культурную и все другие сферы жизни деревни. Трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначим термином “агропереход”. В ходе аграрного перехода шло утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий и усовершенствованной техники, развитие рыночных отношений и кооперации, преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда.

Модернизационные процессы в уральской деревне проходили в рамках общероссийской трансформации, но имели свои региональные особенности. Этапы развития сельского хозяйства Урала сопоставимы с фазами интенсификации земледелия. Если до XVIII века господствующими в крае были примитивные системы земледелия (первый этап), то в XVIII – XIX веках на Урале преобладали экстенсивные системы земледелия (второй этап), транслируемые крестьянством из поколения в поколение. Л.В.Милов сделал вывод, что неблагоприятные климатические условия, преобладание малоплодородных подзолов и болотных почв сочетались в течение многих столетий с сохранением малоэффективных систем земледелия [1]. Третий этап развития сельскохозяйственного производства в регионе связан с XX веком. Для этого этапа характерным был переход от экстенсивных систем земледелия к интенсивным. Именно это определило в значительной мере содержание агроперехода в рамках процесса модернизации.

Система земледелия – это комплекс взаимосвязанных агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий для восстановления и повышения плодородия почв. Вплоть до середины XX века в силу огромных земельных массивов России перед крестьянством не стояли задачи повышения плодородия почв, проблема была лишь в восстановлении плодородия земли. Отсюда первая фаза агроперехода может быть определена хронологическими рамками первой половины XX столетия.

Комплекс факторов лежал в основе смены систем земледелия. Модернизация уральской экономики пореформенной волны XIX века не могла не сказаться на сельскохозяйственном производстве. Уральские

заводы вынуждены были реагировать на рост потребностей сельскохозяйственных производителей в орудиях труда, машинах. В уральской деревне появляются конные сенокосилки, железные плуги, жатки, конные молотилки. По неполным данным в 1908 г. в Пермской губернии у крестьян было 9758 плугов, 1905 лапчатых борон, 498 рядовых сеялок, 4980 жаток, 4313 жаток-самосбросок, 17939 разных молотилок, 40705 веялок, 6688 триер и сортировок, 547 постоянных зерносушилок [2]. Другим фактором перехода к новым системам земледелия было аграрное перенаселение, с одной стороны, и заметный рост городского населения – с другой. Две трети населения Пермской губернии занимались земледелием. Средний размер владения крестьянского двора составлял в начале XX века по Пермской губернии 16 дес., по Уфимской – 19 дес., по Оренбургской – 45 дес. земли. Требовался поиск путей роста сельскохозяйственного производства, невозможный в рамках сложившихся систем земледелия, при которых урожайность сельскохозяйственных культур оставалась практически на одном уровне – 6-8 центнеров с га [3].

Однако эпоха механизации и машинизации сельскохозяйственного труда начинается только в 1930-е годы. В это время складывается система предприятий сельскохозяйственного машиностроения, вводятся в действие тракторные заводы. Первые тракторы были завезены в Уральскую область в 1929 г., а комбайны появились в 1930 г. В 1929 г. была организована первая на Урале Краснополянская машинно-тракторная станция (МТС). В 1933 г. в Свердловской области было 2 МТС, в 1940 г. их число выросло до 70, количество тракторов в них – с 648 до 4058, комбайнов – с 28 до 2001, грузовых автомобилей – с 75 до 259 [3]. МТС обслуживали перед войной 91% колхозов региона. Объем тракторных работ, производимых в колхозах Свердловской области, вырос более чем в 7 раз [4].

Таким образом, намечается переход от конно-ручной тяги к механизации основных сельскохозяйственных операций. Растет новый слой сельского населения – механизаторы (трактористы, комбайнеры, ремонтные рабочие), которые и были носителями модернизационных изменений на этой ступени агроперехода.

В годы второй и третьей пятилеток темпы коллективизации не форсировались, однако процесс колхозного строительства шел достаточно быстро. Число колхозов в Свердловской области (в административных границах 1939 г.) выросло с 1933 по 1938 гг. на 5,2% и достигло 2153, процент коллективизации по числу дворов увеличился с 63,4 до 90,1%. Коллективизация проходила на фоне резкого сокращения крестьянских хозяйств, во многом за счет бегства крестьян на стройки промышленных предприятий. За пять лет, к середине 1938 г., число крестьянских дворов уменьшилось на 28,5%. К лету 1941 г. в области оставалось 4,6 тыс. единоличных крестьянских хозяйств. Число коллективных хозяйств достигло 2164, в них насчитывалось 140,2 тыс. дворов, в колхозах было объединено 97,1% всех крестьянских дворов [5].

Колхозы и совхозы стали определять производство сельскохозяйственной продукции, они производили 91,2% валовой продукции растениеводства (в стоимостном выражении), 5,1% приходилось на личные подсобные хозяйства колхозников, 3,5% - рабочих и служащих, 0,2% - на хозяйства единоличников. Посевные площади с 1933 по 1941 гг. выросли по всем категориям хозяйств на 9,4% и составили 1146,1 тыс. га [6].

В условиях господства крупных форм организации сельскохозяйственного производства стало уделяться большое внимание повышению урожайности полей на основе улучшения агротехнических приемов: введению севооборотов, внесению в почву органических удобрений, посевов сортавыми семенами, сокращению сроков проведения сельскохозяйственных кампаний. Интенсификация сельскохозяйственного производства дала достаточно заметные результаты: увеличилась урожайность зернобобовых культур. В 1928 г. она составляла в регионе 10,9 ц с га, в среднем за 1933 – 1937 гг. – 10,4 га, в 1938 г. было собрано по 13,7 ц с га, при неблагоприятных погодных условиях 1939 г. – 11,7 ц, в 1940 г. – 14,4 ц с га (это было больше, чем в среднем по стране) [7].

Накануне войны вокруг Свердловска стала создаваться картофельно-овощеводческая зона, включавшая колхозы и совхозы 17 районов области. Посевы овощей и картофеля в пригородной зоне были увеличены в 2 раза, выросло их товарное производство, однако решить проблему полного обеспечения горожан этими продуктами не удалось, значительную их часть приходилось завозить из других районов страны.

В 1930-е годы вырос удельный вес колхозов и совхозов в производстве животноводческой продукции. В 1940 г. на их долю приходилось 44,7% крупного рогатого скота, 27% овец и коз, 78% свиней и 96% лошадей. Большая часть рогатого скота находилась в личном подворье колхозников и хозяйствах рабочих и служащих. поголовье скота по всем категориям хозяйств к 1941 г. не достигло не только уровня 1928 г., но и 1913 г. Крупного рогатого скота по отношению к 1913 г. было 80,1%, по отношению к 1928 г. – 80,4%; коров – соответственно – 82,3 и 83,7%; свиней – 90,2 и 104,5%; овец и коз – 102,6 и 81,6% [8].

Вопросы об утверждении частной собственности на землю стали основной политической проблемой России в первой трети XX века, затем вновь реанимировались в конце столетия. Здесь фиксируется закономерность исторического развития, проявившаяся в соотношении объективных и субъективных регулятивов исторического процесса. Развитие вместе с частной собственностью крестьян на землю товарно-денежных, рыночных отношений в России насаждалось “сверху” и проявилось в поиске форм организации сельскохозяйственного производства (столыпинская аграрная реформа – хутора, горбачевско-ельцинская – фермерские хозяйства). Тем не менее вместе с этим процессом усиливалось развитие рыночных отношений и расширялось кооперативное движение. Под воздействием столыпинских аграрных преобразований усилилась дифференциация крестьянства, росло число зажиточных крестьянских хозяйств,

аграрное производство развивалось более динамично, укреплялась его ориентация на рынок. К 1915 г. господствующей формой крестьянского наделного землевладения являлась общинная, но количество единоличных владельцев (хуторян и отрубников) постоянно росло. Так, в Пермской губернии с 1907 по 1915 гг. поступило в уездные землеустроительные комиссии ходатайств о землеустройстве на новых началах от 203639 домохозяев, 259 мелких собственников и 57 от прочих владельцев. Подготовительные работы произведены на площади 1126463 дес. для 80919 домохозяев-крестьян, 177 мелких собственников и 39 прочих владельцев. Общее количество устроенных к 1915 г. хуторских и отрубных владений составляло по губернии 13640 [9].

Проведение последней в России аграрной реформы и ориентация на рынок оказались заторможенными в силу резкого спада сельскохозяйственного производства и системного кризиса экономики страны. Если в начале XX века большинство крестьянских хозяйств предпочитало не порывать связей с общиной, то в конце столетия крестьянство не желало полностью отказаться от коллективных форм ведения хозяйства, не приняло идею введения частной собственности на землю, настороженно отнеслось к нововведениям.

К началу агроперехода большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшим собственное потребление. По отзывам земских агрономов крестьянское хозяйство, как производственная база продовольственного рынка, имело удручающий вид. «Положение современного крестьянского хозяйства в общем представляет малоутешительную картину: обработка почвы ведется первобытным способом, малопродуктивными земледельческими орудиями, которые не пахут, а, вернее, "ковыряют землю" – как выразился агроном Камышловского уезда про сабаны доморощенного устройства: плохо обработанная и плохо удобренная пашня скорее засоряется сорными травами и в то же время служит рассадником всевозможных вредных насекомых: пшеничного комарика, кобылки, разных червей, вредящих посевам. На плохо подготовленной пашне производится посев сомнительными семенами, которые, по отзыву агронома, можно только "по недоразумению назвать посевными", сплошь и рядом начало полевых работ приурочено у крестьян к известным праздникам и числам, вследствие чего благоприятное время бывает упущено, уход за скотом невозможный, идущий вразрез с самыми элементарными понятиями о скотоводстве..." [10]. При неблагоприятных климатических явлениях, несмотря на внедрение системы народного продовольствия, часто вспыхивали голодовки (1901, 1905, 1906, 1911 гг.) [11].

Этот фактор в 1921-1922 гг., усугубленный разрухой от Гражданской войны, а также продовольственной политикой большевиков вызвали страшный голод. По своим масштабам голод 1921-1922 гг. был самым страшным в истории региона. Ослабленные годами бедствий и разорений крестьянские хозяйства не могли противостоять засухе и неурожаю. Па-

дение сельскохозяйственного производства по многим показателям на Урале было большим, чем по стране. Так, весной 1922 г. посевная площадь сократилась по РСФСР на 23%, а на Урале – на 66,5%, валовые сборы зерна уменьшились соответственно до 28 и 37,5% от предыдущего года [12]. В результате упадка сельскохозяйственного производства не только сократились посевные площади, но и коренным образом изменилась структура полевых посевов. Традиционно преобладавшие на Урале посевы пшеницы и овса были вытеснены в 1921-1922 гг. посевами ржи и крупяных культур, что свидетельствовало об усилении в эти годы потребительского характера хозяйства. Лишь с 1923 г. началось качественное улучшение структуры полевых культур: росли посевы главной товарной культуры – пшеницы и основной фуражной культуры – овса. Вместе с тем расширившиеся в период голода посевы второстепенных продовольственных культур (проса, гречихи, гороха) с 1924 г. стали резко сокращаться, особенно посевы проса [13]. В голодный 1922 год число беспосевных хозяйств повысилось до 12%, в 1923 г. – понизилось до 6% [14]. Голод, охвативший всю территорию Урала, привел к более 1 миллионной убыли населения региона, особенно интенсивным он был на Южном Урале – Оренбургской, Челябинской, Уфимской губерниях, Башкирской республике.

Осуществление сталинской “революции сверху” – коллективизации сельского хозяйства привело к голоду 1932-1933 гг.

Основным содержанием развития сельского хозяйства в годы первой пятилетки стала коллективизация. Количество колхозов в Уральской области осенью 1928 г. составляло 2153, а осенью 1933 г. – 9298. В 1932 г. колхозами было охвачено 59,3% крестьянских хозяйств, к лету 1933 г. – 63,4% [15]. Высокими темпами шло совхозное строительство. В 1932 г. их число увеличилось до 277. Советское руководство предоставляло значительные денежные средства на развитие перспективных, по его мнению, форм организации сельскохозяйственного производства. Более половины всех средств, вкладываемых в сельское хозяйство области, шло на развитие социалистического сектора. Приоритет, отдаваемый государством колхозно-совхозному сектору, проявлялся не только в увеличении капиталовложений, но и в снабжении его техникой. С каждым годом увеличивалось число колхозов, обслуживаемых машинно-тракторными станциями. С 1929 г. шло ежегодное сокращение тягловой силы. Количество рабочих лошадей к 1933 г. уменьшилось по сравнению с 1927 г. больше, чем в 2 раза, рабочих волов – почти в 3 раза, тем не менее они оставались основной тягловой силой в деревне. Нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем по Уральской области в 1930-1932 гг. выросла почти в 2 раза. Более высокой нагрузка лошадей в 1931 и 1932 гг. была в Центральном и Южном Зауралье, что отрицательно влияло на выполнение сельскохозяйственных операций, прежде всего пахоты.

Перемены в социально-экономической структуре уральской деревни сопровождались изменениями в основных показателях аграрного произ-

водства. Размеры посевных площадей увеличились с 1928 г. по 1933 г. на 32,6%. В 1932-1933 гг. колхозы имели свыше трех четвертей всех посевов Уральской области. Посевные площади зерновых и бобовых культур увеличились на 24,5%: с 4775,6 тыс. га в 1928 г. до 5947,5 тыс. га в 1933 г. В погоне за ростом зернопроизводства в неурожайные 1931 и 1932 годы они достигали соответственно 6269,7 тыс. и 6088,2 тыс. га. С 1931 по 1933 гг. сократились на 11,8% площади сенокоса [16].

Полеводство в Уральской области носило экстенсивный характер. Развитие этой отрасли не сопровождалось повышением урожайности. Она зависела от природно-климатических условий региона и качества проводившихся агротехнических мероприятий (культивирование земли, сроки проведения посевной кампании). В годы сплошной коллективизации в Уральской области недостаточно качественно проводилась паровая и зяблевая обработка почвы. За сокращением площади паровой земли последовало истощение почвы. Уменьшение зяблевой вспашки, недостаток минеральных и навозных удобрений привели к понижению всхожести растений, засоренности всходов сорняками и сельскохозяйственными вредителями, болезнями растений. Большая часть сева проводилась по весновспашке, что увеличивало его сроки. В 1931-1933 гг. в Уральской области запаздывали с проведением ярового сева. Основная часть сева проводилась в конце мая-июне, сев затягивался до конца июня. С проведением посева особенно опоздали в 1932 г., когда по состоянию на 1 июня было засеяно лишь 57% всей посевной площади. В целом на урожаях отразился низкий уровень агротехники.

Средняя урожайность зерновых культур в Уральской области за 1928-1933 гг. уменьшилась на 27,4% (с 9,8 ц до 7,3 ц с га). Резкий спад урожайности наблюдался в 1931 г. Толчком к недороду стала засуха, распространившаяся почти по всей территории Урала. Количество осадков во время созревания яровых хлебов (с 11 апреля по 11 июня) было в четыре раза меньше необходимого для нормального роста растений. В Зауралье летом 1931 г. значительная часть посевов погибла от суховея. В целом по Уральской области урожайность зерновых составила 2,7 ц с га, а в Центральном и Южном Зауралье – соответственно – 1,4 и 0,6 ц с га. В следующем 1932 г. погодные условия оказались также неблагоприятными. Второй год подряд был недород хлебов. Урожайность зерновых в колхозах Уральской области достигла 5 ц с га, что было выше, чем по Уралу (4,6 ц с га), но ниже, чем по колхозному сектору РСФСР (6,5 ц с га) и СССР (6,8 ц с га) [17].

Сокращение производства сельскохозяйственной продукции влекло ослабление кормовой базы. Это отрицательно сказывалось на численности скота в области. С 1927 г. по 1933 г. поголовье скота уменьшилось по всем категориям хозяйств: овец и коз – на 50,7%, свиней – на 66,9%, лошадей – на 61%, крупного рогатого скота – на 50,3%, в том числе коров – на 35,9%. Значительное сокращение поголовья скота в области произошло в 1930-1932 гг. [18]. Основными причинами были: забой крестьянами

личного скота из-за нежелания отдавать его в колхозное стадо и для употребления в пищу в голодные годы; падеж скота из-за недостатка кормов и чрезмерной нагрузки на полевых работах. Лишь в 1933 г. удалось приостановить падение поголовья.

Коллективизация в уральской деревне привела в 1931 г. к доминированию социалистического сектора в сельском хозяйстве области. Но вместе с тем, первоначально кажущаяся стабильность сельскохозяйственного производства сменилась его спадом в 1931-1933 гг., основные причины которого были заложены в три предшествующие года. Советское руководство не реагировало адекватно на сложившуюся в деревне кризисную ситуацию. Заготовительная политика советской власти была направлена на изъятие сельскохозяйственной продукции из деревни в целях обеспечения нужд форсированной индустриализации. Прежде всего это касалось зерна, которое являлось основным экспортируемым сельскохозяйственным продуктом СССР.

Объемы валовой продукции зерновых культур в Уральской области за 1928-1933 гг., несмотря на рост посевных площадей, не только не увеличились, но снизились на 9,5%. В 1931 г. производство зерновых сократилось в 2,6 раза по сравнению с 1928 г. В 1932 г. В Уральской области валовой сбор зерновых уменьшился на 32,9% по сравнению с 1928 г. [19] Стремление советского руководства вывезти из деревни как можно больше сельскохозяйственной продукции привело к завышению заготовительных планов. Планы хлебозаготовок из урожаев 1931 и 1932 гг. превышали планы конца 1920-х годов почти в 2 раза. В ходе хлебозаготовительных кампаний изымалось зерно из семенных и кормовых фондов, а также предназначенное для личного потребления. В счет хлебозаготовок в эти годы из уральской деревни было вывезено примерно 43-45% собранного зерна. До этого времени заготовки зерновых не превышали 30% валовых сборов зерна. 37,6% урожая зерновых в 1931 г. и 34,4% в 1932 г. было вывезено из деревень Средне-Волжского края в счет хлебозаготовок, которые, как считает историк В.В.Кондрашин, стали основной причиной голода 1932-1933 гг. на Средней Волге [20].

Возникшие в связи с чрезмерным изъятием сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных кампаний продовольственные затруднения обернулись для сельского населения голодом в 1932-1933 гг. Его сопровождали эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы, цинги, известны факты антропофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода в сельской местности Урала. Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзной демографической катастрофы 1933 г., которая затронула и Урал. Убыль населения Уральской области в 1933 г. составила 7,2% от убыли населения РСФСР. За семь месяцев – с декабря 1932 г. по август 1933 г. – количество смертей в Уральской области выросло более чем в 2,5 раза [21].

Коллективизация, проводившаяся ускоренными темпами, стала главной причиной аграрного кризиса начала 1930-х годов. Заготовительная

политика советского государства обусловила наступление продовольственных затруднений. В условиях аграрного кризиса и роста городского населения, связанного с индустриальным развитием региона, нормированное распределение, карточная система снабжения не смогли стабилизировать продовольственную ситуацию. Уральская область из района, самообеспечивавшего себя зерновыми культурами, превратилась в район, осуществлявший их ввоз. Главными особенностями механизма продовольственного обеспечения населения были централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению. Несмотря на формирование и наличие продовольственных фондов в стране, советское руководство не смогло предотвратить голод.

Разрушения от второй мировой войны вызвали голодовку 1946 г. Аграрные преобразования конца 1950-х – начала 1960-х гг. – перевод колхозов в совхозы, реорганизация МТС, сселение неперспективных деревень, наступление на личные подсобные хозяйства колхозников вызвали продовольственные затруднения и привели к ввозу зерна из-за границы. На первой фазе агроперехода сохранялась особенность традиционного общества - периодически вспыхивавшие голодовки сельского населения.

Постоянные аграрные преобразования в России в XX веке, принимавшие характер то реформ, то революций, но возобновлявшиеся вновь и вновь в среднем через два десятка лет, по мнению В.П.Данилова, определяли не только аграрную эволюцию, но и общий ход истории России [22].

Однако социально-политические катаклизмы не могли остановить агропереход, они придавали ему специфические черты. В силу того, что сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливало то уровень 1913 г., то 1928 г., то 1940 г., а в начале XXI века – уровень 1985 г., его развитие проходило на экстенсивной основе. Роста производительности труда, или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило. К тому же в советскую эпоху практически отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Специфичность перехода к интенсивным сельскохозяйственным технологиям проявилась в затяжном характере, что было связано с войнами, революциями. В это время крестьянские хозяйства вынуждены были возвращаться к архаичным и экстенсивным системам земледелия с целью выживания.

В 1930-е годы на Урале в условиях утвердившегося колхозно-совхозного строя, господства крупных форм сельскохозяйственного производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В.Р.Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольнотравяную). Восстановление и повышение плодородия почвы пытались осуществить биологическим путем, с помощью посевов многолетних трав или через систему севооборотов. С 1913 по 1939 гг. посевы многолетних трав (по укосной площади посевов прошлых лет) выросли на Урале в 6,4

раза, однолетних трав – в 15 раз [23].

Одновременно в регионе намечается вытеснение зернового трехполья интенсивной системой полеводства. Чисто зерновое хозяйство уступало место сельскохозяйственному производству с развитым животноводством, возделываемых технических и зерновых культур. В условиях формирования крупных индустриальных центров Урала развивалось земледелие овощных культур и картофеля. Об этом свидетельствуют изменения в структуре посевных площадей. Если посеы на Урале в 1938 г. (по всем категориям хозяйств) выросли в сравнении с 1913 г. на 47%, а посеы зерновых культур на 33%, то посеы технических культур увеличились на 248%, овощных – на 471%, картофеля – на 461%, кормовых культур – на 929% [24]. Повсеместно проводилась опытническая работа по районированию сортов семян сельскохозяйственных культур и бонитировка скота.

Экономически слабым колхозам были увеличены кредиты для покупки скота, постройки животноводческих помещений. Активизировалась работа по улучшению породности путем широкой метизации более продуктивными животными. В 15 колхозах Свердловской области были организованы племенные фермы по выращиванию коров местной тагильской породы, в 33 районах разводились тонкорунные овцы, в 24 районах имелись 67 племенных свиноводческих ферм. В предвоенные годы начали разворачиваться работы по водоснабжению ферм, механическому доению коров. Однако поголовье скота к началу 1941 г. по всем категориям хозяйств не достигло уровней 1913 и 1928 годов. Крупного рогатого скота по сравнению с 1913 г. в 1941 г. было 80,1%, по отношению к 1928 г. – 80,4%; по коровам, соответственно, 82,3 и 83,7%; по свиньям – 90,2 и 104,5%; по овцам и козам – 102,6 и 81,6% [25].

Организационно-хозяйственное становление колхозов проходило в условиях чрезмерного администрирования, нарушения колхозной демократии, необоснованной смены руководящих кадров. В 1937 г. в Свердловской области сменились все заведующие районными земельными отделами, 70% директоров МТС и совхозов. Часть руководителей была необоснованно репрессирована. В 1940 г. были заменены 44% председателей колхозов, 58% агротехников, 47% бригадиров и заведующих фермами [26].

В предвоенные годы развернулась кампания по ликвидации хуторов, завершению обобществления индивидуальных крестьянских хозяйств и хозяйств рабочих. II Всесоюзный съезд колхозников-ударников (февраль 1935 г.) принял Примерный Устав сельскохозяйственной артели и впервые гарантировал существование личных подсобных хозяйств колхозников. Устав определил размер приусадебной земли от 0,25 до 0,5 га. Каждый колхозник имел право содержать одну корову, до двух голов крупного рогатого скота, 10 овец и коз, до двух ульев пчел, птицу и кроликов. Размер приусадебного участка и личного хозяйства был дозирован так, чтобы мог обеспечить минимальное воспроизводство семьи колхозника.

Лишившись посевов, колхозники могли получать хлеб только из одного источника – из колхоза на трудодни. С этого крошечного участка земли колхозники кормились, а также платили налоги – денежный и поставки мяса (независимо от того, имел ли крестьянин в своем распоряжении скот и птицу). Чтобы “стимулировать” трудовую активность колхозников, в 1939 г. введен обязательный минимум трудодней. Под лозунгом борьбы с “частнособственническими устремлениями, рвачами и хапугами” в 1939-1940 гг. произошло обрезание земельных участков у колхозников и единоличников. Одновременно завершилось сселение хуторов.

Форсированная индустриализация Урала вызвала рост городского населения, приток селян в города, сокращение их доли в составе всего населения. В период между переписями 1926 и 1937 гг. население Свердловской области (в сопоставимых административных границах 1937 г.) увеличилось на 30,9%. При этом количество горожан стало больше на 150,3%, а селян уменьшилось на 12,6%. Если за 1926-1931 годы сельское население Свердловской области (в административных границах 1937 г.) выросло, то затем пошло его сокращение: в 1932 г. на 5%, в 1933 г. на 7% и в 1934 г. на 18,4%. Удельный вес сельского населения по области составлял в 1926 г. – 73,3%, в 1934 г. – 51,8%, а в 1937 г. – 43,3% [27]. К концу второй пятилетки в Свердловской области городское население превысило сельское. Основными факторами выталкивания населения из уральской деревни были: тяжелые условия труда и быта, низкий жизненный уровень в колхозах и совхозах, последствия голодовки в первой половине 1930-х годов.

Напряженность социально-политической ситуации и экономической обстановки начала 1930-х годов сменилась во второй половине относительной стабилизацией и некоторым ростом материального положения колхозников Урала. Неурожаи 1931, 1932 и 1936 годов сменились обильными урожаями 1937 и 1938 годов (урожайность зерновых выросла в два раза). Существенным фактором стабилизации стала политика компромисса с крестьянством. Начало ей было положено решением в конце 1934 г. о ликвидации политотделов МТС. Стержнем политики либерализации стало воплощение положений Примерного Устава сельхозартели. Проходили торжественные церемонии вручения колхозам актов на вечное пользование землей. В 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР снимались судимости с колхозников, осужденных на 5 лет и отбывающих наказание; в 1938 г. было запрещено применять исключение из колхоза как меру наказания. Эти и другие меры властей частично нейтрализовали враждебность, которую породила сплошная коллективизация.

Довоенные годы для деревни Урала характеризовались завершением коллективизации и коренным изменением уклада деревенской жизни. Становление новых отношений осуществлялось чрезвычайными методами с кровью и потом крестьянства. Жизнь уральской деревни была подчинена нуждам форсированной индустриализации. Безусловно, это была победа властей и трагедия крестьянства.

Великая Отечественная война сопровождалась активным применением в сельском хозяйстве СССР, как и в других отраслях экономики, методов государственного регулирования и регламентации. Крестьянин находился в зависимости от общественной собственности, распоряжаться которой ему не было позволено. Колхозы в огромной мере оказались в экономической зависимости от государства. Они были полностью лишены главного средства производства – земли. Государство было не только монопольным потребителем сельскохозяйственной продукции, но и присваивало себе большую часть национального дохода, производимого в аграрной сфере, направляло все полученные средства на достижение победы.

Земля – основное и неизменное средство производства в сельском хозяйстве. В годы войны в тыловом Урале общий земельный фонд и распределение по землепользователям не изменились. Изменилась структура земельного фонда. Материалы земельных балансов, которые составлялись статистическими органами, позволяют проанализировать динамику распределения земли по угодьям и землепользователям в Свердловской области.

Таблица

Земельный баланс по Свердловской области в 1941-1945 гг. (тыс. га)*

Показатель	1941		1945	
	по области	в т.ч. по колхозам	по области	в т.ч. по колхозам
Площадь землепользования	19141,1	4131,1	19369,1	4228,5
Пахотная земля	1453,4	1271,6	1511,3	1312,9
в т.ч. пашня	1370,7	1220,4	1252,7	1085,0
Перелог и залежи	82,7	51,2	258,6	227,9
Сенокосная и пастбищная земля	1836,7	1141,9	1709,9	1064,0
Огороды	56,7	36,1	98,2	53,8
Сады	0,5	0,3	2,2	1,3

● РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 28. Л. 16-18, 34-36; Государственный архив Свердловской области. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1355. Л. 1.

Увеличение площади землепользования за годы войны на 1,2% и почти на 4% пахотоспособной земли связано с изменением административных границ Свердловской области (передачей Каменского и Покровского районов из Челябинской области). Существенное увеличение произошло площадей под огородами (на 173%) и под садами (на 440%). В то же время на 6,9% сократились сенокосные и выгонно-пастбищные земли. Доля сельскохозяйственных угодий сократилась незначительно – с 17,5 до 17,1%. Одновременно удельный вес площади пашни (посев, пар) по

всем землепользователям уменьшился с 7,1 до 6,4% (на 118 тыс. га) и, наоборот, доля перелогов и залежей выросла с 0,4 до 1,3% (почти в 3 раза).

Основным землепользователем были колхозы. Колхозный сектор включал общественные земли и участки, находившиеся в пользовании колхозников. Общий фонд земель колхозов Свердловской области увеличился на 2,3%, доля сельскохозяйственных угодий также выросла с 40,7 до 42,5%. Площадь пашни уменьшилась на 135,4 тыс. га (с 29,5 до 25,6%), соответственно на 176,6 тыс. га увеличились перелог и залежи (с 1,2 до 5,4% в общем земельном балансе), на 77,9 тыс. га уменьшилась площадь лугов, пастбищ и выгонов. Подобные процессы шли и в других районах Урала.

Еще большие изменения произошли в структуре земельного фонда совхозов Урала. За 1941-1945 гг. значительно сократился размер пашни (на 51,0%), ее удельный вес уменьшился с 33,9 до 19,0%. Доля перелогов и залежей увеличилась с 12,2 до 21%. Удельный вес лугов, пастбищ и выгонов остался практически на одном уровне. С 16,5 до 25,2% выросла доля несельскохозяйственных угодий [28].

Ухудшение технического оснащения, сокращение трудовых ресурсов деревни во время войны привели к тому, что эффективно использовать имевшиеся земельные угодья не было возможности, тысячи гектаров земли вышли из обработки, то есть оказались утраченными. Многоземельные колхозы, особенно на Южном Урале, не успевали убирать даже засеянные площади, урожай уходил под снег. В 1942 г. разница между посевами зернобобовых и убранными площадями составляла по колхозам региона 1129,1 тыс. га, в 1943 г. – 721,6 тыс. га, в 1944 г. – 375,5 тыс. га, в 1945 г. – 203,5 тыс. га [29].

В начале войны был взят курс на расширение посевных площадей в тыловых районах. Ю. В. Арутюнян первым отметил нецелесообразность его проведения, так как рост посевов усилил и без того максимальную напряженность материальных и трудовых ресурсов в восточных районах страны, привел к ухудшению агротехники и резкому падению урожайности [30]. В. Т. Анисков, Н. Н. Шушкин и другие исследователи утверждали, что расширение посевов явилось подтверждением огромных мобилизационных возможностей колхозного строя, поскольку осуществлялось за счет внутренних резервов, это был единственно возможный путь восполнения и приостановки дальнейшего сокращения сельскохозяйственного производства [31]. На наш взгляд, разногласия исследователей отражают действительно противоречивые итоги выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР “О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии” [32]. Увеличение озимого клина в 1941 г., как рассчитывали власти, должно было ослабить напряженность на весенней посевной – сократить сроки сева, расширить посевные площади. Озимые на Урале были увеличены на 438,3 тыс. га, в том числе в

Челябинской области на 219,5 тыс. га [33]. Однако из-за неблагоприятных погодных условий, нехватки людей и техники озимый сев в ряде районов затянулся, а часть посевов зимой вымерзла [34].

На весеннем севе 1942 г. темпы полевых работ были выше, чем в 1941 г., что и предусматривалось постановлением партии и правительства. Посевные площади выросли в колхозах Урала на 260,1 тыс. га (на 2,1%) [35]. Конечно, установка на расширение посевов была логична в условиях, когда были потеряны в результате оккупации врагом основные зернопроизводящие районы страны. Однако достигнутые большой ценой результаты оказались противоречивыми. Увеличение посадки картофеля в колхозах и совхозах Урала позволило в 1942 г. собрать его на 64,9% больше, чем в 1940 г., что, в свою очередь, позволило снизить остроту со снабжением растущего городского населения “вторым хлебом”. Валовой сбор овощей вырос на 31,8%, что было также результатом расширения их посевов в промышленно развитых областях региона. Но из-за нехватки рабочей силы, снижения уровня механизации сельхозработ, больших потерь при уборке валовой сбор зернобобовых культур не только не увеличился, но и уменьшился в 1942 г. более чем в 2 раза. При этом, если в Пермской, Свердловской областях и Удмуртской АССР он сократился на 42,8%, то в основных зерновых районах – Оренбургской и Челябинской областях, Башкирской АССР – на 60,7% [36]. Засеянные площади убирать не успевали, и, начиная с 1943 г., посевы в колхозах и совхозах региона неуклонно сокращались.

Одновременно в целом по Уралу уменьшалась и доля колхозов в посевных площадях. Если в 1941 г. они имели 87,0% от всей площади посевов в регионе, то в 1945 г. – 82,2%. В то же время очень четко проявилась тенденция роста в структуре посевов государственных хозяйств (их доля выросла с 11,5 до 13,5%) и индивидуальных (колхозников на приусадебных участках – с 1,4 до 2,5%, рабочих и служащих – с 0,1 до 1,8, единоличников – 0,02 до 0,04%) [37].

В первый период войны посевы на Урале выросли на 4,5%, а начиная с 1943 г. стали сокращаться. По сравнению с 1941 г. они уменьшились в 1943 г. на 16,8% по всем категориям хозяйств (по колхозам – на 17,5), в 1944 г. – на 29,4 (по колхозам – на 31,7), в 1945 г. – на 30,6 (по колхозам – на 33,2). Этот процесс сокращения посевов в регионе был большим по размерам, чем по стране, где посевные площади уменьшились на 29,0% [38].

Размеры посевных площадей на Урале к концу войны уменьшились до уровня 1928 г., а посевы зернобобовых оказались меньше, чем в 1913 г., на 10%, технических культур на 19% в сравнении с 1928 г. В то же время в 3 раза выросли посадки овощей и картофеля от уровня 1928 г. [39].

Большое распространение на Урале в годы войны получили государственные подсобные хозяйства промышленных предприятий. Их создание было связано с возникшими зимой 1941-1942 гг. крупными продо-

вольственными трудностями и имело целью обеспечение дополнительного снабжения рабочих и служащих сельскохозяйственными продуктами. После постановления СНК СССР от 18 февраля 1942 г. на крупных заводах организовывались отделы рабочего снабжения (орсы), в ведение которых перешли магазины, столовые, склады, мастерские, а также подсобные хозяйства [40]. В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» [41]. Вокруг городов, на неиспользуемых землях колхозов, предприятия и учреждениям было разрешено создавать подсобные хозяйства. Крупным заводам на Урале были переданы более 100 совхозов Урала с земельными массивами, постройками, тяглом, машинами и продуктивным скотом [42].

Из-за отсутствия излишков свободной равнинной земли заводы проделали большую работу по освоению участков, раскорчевке от кустарников, поднятию целины и пустошей. В 1941-1943 гг. ими были освоены более 10 тыс. новой, ранее непригодной для пашни земли. За 1943 г. предприятия Нижнего Тагила раскорчевали 1700 га, Алапаевска – 250 га, Серова – 370 га, Невьянска – 260 га, Асбеста – 250 га. За этот год посевные площади подсобных хозяйств в Свердловской области увеличились на 43% [16]. К октябрю 1942 г. на Урале было организовано 2915 подсобных хозяйств предприятий различных наркоматов и ведомств. Продукты подсобных хозяйств поступали для дополнительного снабжения 2,3 млн. человек [43].

Наибольшее развитие подсобные хозяйства получили в промышленно развитых областях – Пермской, Свердловской и Челябинской. В 1942 г. в Свердловской области посевы имели 4000 предприятий и организаций, а в 43 г. – уже 5288. На начало 1944 г. в области имелось 2508 организованных подсобных хозяйств, из которых 1125 наиболее крупных при промышленных предприятиях, стройках, железнодорожном транспорте. Свои небольшие хозяйства организовывали предприятия местной промышленности, большая часть детских домов, школ, вузов, больниц, госпиталей. В 1945 г. на Урале было 26693 подсобных хозяйств, имевших посевы (данные учета Наркомата заготовок СССР) [44].

Существовавшая с 1943 г. программа разработок итогов производственной деятельности подсобных хозяйств учитывала только некоторые показатели. Из этих данных следует, что в начале 1943 г. 2915 подсобных хозяйств имели 361,2 тыс. га, то есть посевы увеличились почти в 3 раза, на 1 хозяйство приходилось в 1943 г. 41,7 га пашни, в 1946 г. – 134,3 га [45]. Подсобные хозяйства даже крупных предприятий были небольшими и маломощными. Примитивность ведения хозяйства производства вела к тому, что урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства были крайне низкими. Тем не менее, в военных условиях они сыграли свою положительную роль в решении продовольственной проблемы. Тем самым период войны показал, что кризис колхозного производства дал толчок организации государствен-

ных сельскохозяйственных предприятий, совхозизации землепользования.

В годы войны «подсобные» хозяйства рабочих и служащих, колхозников превратились в «основные». В 1945 г. на Урале посевы в 207 тыс. га имели 515,5 тыс. хозяйств рабочих и служащих сельской, 2151,5 тыс. – городской местности (бывшие по большей части в недалеком прошлом сельскими жителями, они не забыли навыки ведения работы на земле). Средний размер посева хозяйств на селе составлял 0,11 га, у горожан – 0,06 га, у единоличников – 0,18 га. Структура посевов в хозяйствах рабочих и служащих сельской местности состояла на 93,3% из посадок картофеля и овощей, на 5,9% - из зерновых, на 0,7% - из технических культур; у горожан – на 96,9% из картофеля и овощей и на 31,3% из зерновых. Единоличники, которые полностью существовали за счет своих хозяйств, имели посевы, состоявшие на 27,0% из зерновых, на 2,7% - из технических культур и 70,3% - из картофеля и овощей [46].

Положительную роль в самообеспечении населения картофелем и овощами сыграло решение правительства (июнь 1943 г.) освободить от обложения сельскохозяйственным налогом доходы рабочих и служащих, получаемые с земельных участков, выделенных под огороды. Численность огородников в трех уральских областях – Пермской, Свердловской и Челябинской за годы войны выросла в 3 раза [47].

Снижение уровня жизни заставляло население развивать личные хозяйства. Практически в годы войны, особенно в 1942 -1944 гг., местные власти “закрывали глаза” на увеличение размеров подсобных хозяйств. Посевные площади приусадебных участков колхозников выросли на Среднем Урале на 10%, на Южном – на 30% и составили в среднем по Уралу 0,2 га (скорее всего это шло за счет земель, которые были отображены накануне войны в процессе борьбы с “разбазариванием” общественных земель). Только ближе к завершению войны вновь началась кампания по обмеру и “обрезанию” излишков приусадебных участков колхозников.

Изменилась структура посевов на приусадебных участках колхозников. В основном они засеивались на Урале картофелем и овощами – 85-88% от всех посевов (в среднем по стране – 62%). Нехватка хлеба заставляла колхозников выращивать и зернобобовые культуры, что до войны на Урале было редкостью. Если в 1940 г. зернобобовые занимали 2%, то в 1945 г. – 10,4% от всех приусадебных посевов. Это увеличение в значительной мере характерно для южных районов региона (в Оренбуржье в 1945 г. 23%), что было связано с сокращением выдачи хлеба на трудодни. Однако на Урале зерновые культуры колхозники засеивали в меньших, чем в среднем по стране (31%), размерах [48]. Расширение посевов зерна шло за счет сокращения площадей, занятых ранее под техническими и кормовыми культурами.

Материалы бюджетных обследований семей колхозников Урала показывают, что приусадебное хозяйство давало 94-98% картофеля, 88-95%

мяса и сала, 98-99% молока (в зависимости от региона). Поступление зернобобовых от личного подсобного хозяйства на Среднем Урале осталось на неизменно низком уровне (1 - 2,6%), на Южном Урале – за годы войны выросло с 0,2 до 13% от всего прихода хлеба. Это было связано с резким уменьшением урожаев зерна в Оренбуржье, а следовательно и сокращением натуральной оплаты трудодня. Если в Свердловской области, поступление хлеба из колхозов и МТС за годы войны выросло с 51,2% в 1941 г. до 69,5% в 1944 г., то в Оренбургской – неуклонно уменьшалось: с 52,4% в 1941 г. до 35,8% в 1945 г. [49].

Личное подворье колхозников приобретало из года в год все более решающее значение в их жизни, оно служило основным источником денежных поступлений и продуктов питания. Тем самым приусадебное землепользование сохраняло крестьянское хозяйство и крестьянскую семью, служило выживанию крестьянства. Оно продемонстрировало свою наибольшую устойчивость и живучесть.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны при господстве колхозного землепользования и кризисе колхозного производства в регионе наметилась тенденция к совхозизации землепользования, широкое распространение получили мелкие формы землепользования – личные подсобные хозяйства колхозников, хозяйства рабочих и служащих сельской и городской местностей. Изменения в структуре земельных угодий, происшедшие в годы войны, в целом негативно сказались на состоянии аграрной сферы в послевоенный период, предопределив экстенсивный характер его развития.

В сложившихся условиях первостепенную роль в развитии аграрного производства играли вопросы материально-технического снабжения сельского хозяйства, обеспеченность его машинами, удобрениями и семенами. Основная часть сельскохозяйственной техники (тракторы, комбайны, грузовые автомобили) были сосредоточены в МТС (81% от общего количества) и совхозах (18%), в колхозах ее было менее 1%. От работы МТС в значительной степени зависело колхозное производство: они обслуживали более 80% сельхозартелей региона.

На одну МТС в регионе приходилось 28-29 колхозов. Относительно высокой была механизация полевых работ на Южном Урале, где одна МТС обслуживала 13-18 колхозов [50]. В других районах, особенно в Удмуртии, уровень механизации полевых работ оставался низким. Работы в животноводстве, картофелеводстве, овощеводстве, льноводстве практически полностью производились вручную. Поэтому вряд ли правомерен вывод советской историографии о том, что во второй половине 1930-х годов в сельском хозяйстве страны произошел переход от конно-ручных орудий к системе машин на тракторной тяге.

В годы войны главной тенденцией, характеризующей использование техники в сельском хозяйстве, являлась высокая изношенность и быстрый выход из строя машин. Мобилизации на фронт квалифицированных кадров, механизаторов, сокращение ремонтной базы вели к быстрой

амортизации сельскохозяйственной техники. Тракторов в сельском хозяйстве Урала стало меньше на 16% (на одну МТС приходилось 53 трактора), комбайнов - на 2% (30 на одну МТС), грузовых автомобилей – на 67% (на одну МТС – 1,7). Но даже имевшиеся машины в деревне не могли использоваться полностью из-за нехватки горючего.

Ухудшение технического обслуживания, острая нехватка запасных частей, отсутствие капитального ремонта – все это вело к быстрому износу сельскохозяйственной техники. Сокращение машин и орудий привело к тому, что в среднем на одну уральскую сельхозартель к концу войны приходилось 14 конных плугов, 2 сенокосилки, 3 жатки, 0,2 сложных и 1,1 простых молотилки, 4,7 косы. На фронт была послана большая часть лошадей – основная тяговая сила деревни. В этих условиях повсеместно на полевых работах использовался домашний скот, простейшие орудия. Пришлось восстанавливать и использовать ранее выбранные уборочные машины, косы, серпы, грабли, вилы и сбрую.

Амортизационный износ техники, слабая обеспеченность горюче-смазочными материалами привели к резкому падению технического потенциала аграрного производства и его энергетического уровня. Сокращение объемов работ, производимых МТС, фактически приводило к срыву сельскохозяйственных работ в колхозах. В 1943 году объем тракторных работ МТС сократился по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза, комбайновая уборка зерновых – в 2,9 раза [51]. Действия МТС были выстроены таким образом, что их не интересовали конечные результаты сельскохозяйственного производства, им было важнее выполнить планы, а оценка выполнения работы в безликих гектарах мягкой пахоты порождала стремление наработать объем за счет наиболее легких операций. В связи с этим заметно увеличился объем работ, производившихся на живом тягле и вручную.

Важным фактором интенсификации сельскохозяйственного производства является применение удобрений. Естественное плодородие почв в регионе было сравнительно низким. Ухудшение обработки полей, эрозия почв и другие обстоятельства военного времени вызвали большую потребность в удобрениях. Однако производство минеральных удобрений было фактически свернуто, а сокращение поголовья скота вело к уменьшению органических.

Обострилась в годы войны и проблема семян. Колхозы сами должны были хранить семенной материал, но из-за недородов семенные фонды сдавались в счет государственных заготовок и к очередной посевной колхозы оставались без семян. Принимаемые партийными и советскими органами чрезвычайные меры давали только моментальный результат. Так, по данным годовых отчетов, в 1940 г. на нужды колхозов было оставлено 27110 тыс. ц зерновых, то в 1942 г. – в два раза меньше – 13425 тыс. ц. С помощью различных мер удавалось максимально ограничить потребности сельхозартелей, заготавливая при этом не только все излишнее, но часто и необходимое для производства зерно. Семенные фонды колхозы

засыпать не имели возможности, в результате в 1943 г. пришлось на треть сократить посевы зерновых и уменьшить норму высева, что привело к дальнейшему падению валового сбора. Сельхозартели вынуждены были постоянно обращаться к государству за ссудой (выдавалась под 10%), обменивать некондиционные по всхожести семена. Сортовые посе́вы были ликвидированы или резко сокращены.

В условиях войны не удалось обеспечить удовлетворение даже минимальных потребностей аграрного производства в машинах, инвентаре, удобрениях и семенах. Следствием этого стало ухудшение агротехники и убывание плодородия почв. Были нарушены севообороты, а в ряде мест перешли на трехпольный севооборот. Уменьшился объем таких агротехнических мероприятий, как подъем паров и зяби, междурядная обработка, прополка. Суровые холодные зимы приводили к гибели посевов озимых. Погода 1942 г. была крайне неблагоприятной – холодная весна, дождливое лето, раннее выпадение снега. В 1943 г. посе́вы зерновых, на юге региона почти повсеместно выгорели от засухи, а в северных районах – пострадали от летних заморозков и ливней с градом[52].

Главное внимание тем не менее уделялось производству зерна, поскольку правительство стремилось частично восполнить потерю от оккупации основных хлебопроизводящих районов страны. Рост удельного веса зерновых шел за счет озимой ржи, посе́вы яровой пшеницы сокращались. Структура хлебного поля значительно ухудшилась, она соответствовала скорее экономике традиционного общества. На Урале в годы войны “серыми хлебами” (рожь, ячмень, овес) было занято более 60% посевов зернобобовых. Сократилось выращивание технических культур, имевших региональные традиции: льна в Пермской области и Удмуртии, конопли в Башкирии, подсолнечника в Башкирии и Оренбуржье. Продовольственные трудности заставили население региона существенно расширить площади под картофелем и овощами, особенно в промышленных районах Свердловской, Пермской и Челябинской областях. Существенно уменьшились посе́вы кормовых культур, особенно однолетних трав, клевера, что отрицательно повлияло на кормовую базу животноводства.

Показателем, характеризующим состояние аграрного производства, является урожайность. В ней концентрируются главные факторы земледелия: энергетическое обеспечение, состояние почв, агротехнические методы, организация труда и т.д. На протяжении военных лет до 1944 г. урожайность всех сельскохозяйственных культур неуклонно падала. В 1943 г. в основном земледельческом районе – на Южном Урале – урожайность зерновых сократилась в 3-4 раза против 1941 г. (здесь собрали меньше, чем посадили, она составила 1,8 ц с га). В заключительный период войны удалось несколько повысить сборы хлеба, но они были ниже довоенных. Падение полеводческой продукции продолжалось вплоть до 1944 г. Если валовые сборы 1940 г. на Урале принять за 100%, то сбор зернобобовых в колхозах составил в 1941 г. 89,6%; в 1942 г. – 46,6%; в 1943 г. – 33,8%; в 1944 г. – 40,7%; в 1945 г. – 49,5%. За годы войны посе-

вы зерна сократились на треть, валовые сборы – наполовину. В то же время посадки картофеля и овощей за военные годы выросли в колхозах на 3,8%, валовые сборы уменьшились: картофеля на 28%, а овощей на 12% [53].

Сокращение производства зерна повлекло ослабление кормовой базы, картофель шел на продовольственные нужды, не обеспечивало потребности общественного животноводства производство сочных кормов и сена. А их нехватка и отсутствие комбикормов вели к снижению продуктивности животноводства. Сократилось маточное поголовье, уменьшился приплод молодняка. В то же время ухудшилось, а порой и просто отсутствовало зооветеринарное обслуживание. Все это привело к сокращению поголовья животных по всем категориям хозяйств региона: свиней на 56%, лошадей на 45%, овец и коз на 34%, крупного скота на 4%. Расход стада увеличивался и в связи с тем, что колхозы и совхозы стали сдавать государству большое количество скота низкой упитанности. Рост заготовок отражал не улучшение, а, наоборот, ухудшение положения в отрасли. Из-за нехватки кормов приходилось забивать скот, чтобы не допустить падежа.

В военные годы в производстве полеводческой продукции господствующее положение занимали колхозы и совхозы (кроме производства картофеля), удельный вес общественного животноводства на Урале значительно сократился, причем в больших размерах, чем это произошло по стране в целом. Доля колхозного скота в общем поголовье всех категорий хозяйств сократилась, одновременно вырос удельный вес поголовья скота, имевшегося у колхозников, рабочих и служащих.

Война отбросила животноводство региона далеко назад. Те элементы интенсификации, полученные в довоенные годы, оказались утеряны. Была запущена племенная работа, особенно в колхозах, бонитировка скота проводилась редко. Эти процессы в животноводстве шли на фоне уменьшения его продуктивности.

В условиях катастрофического падения сельскохозяйственного производства на Урале произошла разбалансированность между отраслями сельского хозяйства. Осуществлялась не всегда оправдывающая себя чрезмерно узкая специализация на зерновое производство, на которое тратились значительные средства и основные трудовые усилия крестьянства. Основную часть денежных доходов приносили животноводство. В годы войны изменилось и соотношение форм организации аграрного производства на Урале, связанное с большей выживаемостью одних и разрушением других.

Колхозы, сохраняя ведущее положение в зерновом производстве, уступали лидерство индивидуальным хозяйствам колхозников, рабочих и служащих. Последние первенствовали в выращивании картофеля и овощей. Даже в валовых сборах зернобобовых доля колхозов сократилась в 1945 г. против 1940 г. с 90 до 86%, совхозов – с 9 до 7%. В сборах картофеля наблюдалось увеличение доли хозяйств колхозников, рабочих и

служащих с 61 до 67%, доля государственных хозяйств выросла с 2 до 6%, а удельный вес колхозов сократился с 37 до 28%.

Особенностью сельского хозяйства и аграрной политики на Урале в годы войны стало широкое развитие индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих, а также создание на базе совхозов широкой сети подсобных сельскохозяйственных предприятий заводов, фабрик, шахт, строительных организаций, транспорта, учреждений и организаций. Работа на земле осуществлялась примитивно, вручную, без соблюдения агротехнических требований.

Уже в первый период войны наблюдалось сокращение доли колхозов в производстве сельскохозяйственной продукции, а к концу войны она упала до 57,7% против 63,7% в 1939 г. (в стоимостном выражении). На втором месте оставались хозяйства колхозников – их доля увеличилась с 17,9 до 19,8%. Заметно выросла доля государственных хозяйств – с 8,5 до 13,4% и хозяйств рабочих и служащих – с 7,3 до 10,9%. На государственный сектор сельского хозяйства в Челябинской области к концу войны приходилось 26,3% от валовой продукции, в Оренбургской – 16,7%. В Свердловской области второе место после колхозов по объему производства занимали хозяйства рабочих и служащих (19,8% от вала). В Челябинской области государственные хозяйства и хозяйства рабочих и служащих вместе давали продукции больше, чем колхозы [54]. В промышленно развитых областях региона произошла перегруппировка между различными формами организации сельскохозяйственного производства.

Несмотря на жесткие ограничения производственной деятельности и большие людские потери, важную роль в экономике играли индивидуальные крестьянские хозяйства. Они оказались более устойчивыми к разрушающему влиянию войны, что связано с сохранением традиционных черт: многоотраслевой структуре, использование трудового потенциала семьи, полунатурального характера, применения простейших орудий труда. При решающей роли крестьянских хозяйств в самообеспечении продуктами и при стремлении колхозников их сохранить под воздействием объективных факторов шел процесс разрушения двора. Но несмотря на это, семейное крестьянское хозяйство позволило колхозникам выжить в тяжелое военное время.

В основе процесса падения сельскохозяйственного производства наряду с объективными факторами, вызванными изменением социально-экономической, демографической обстановки в связи с войной, лежали и военно-принудительные методы аграрной политики. Со времен массовой коллективизации в стране сложилась и функционировала система тотального контроля аппарата, значительно выросшего за военные годы, над земледельцами. От высших чиновников подавались команды, касающиеся непосредственно сельскохозяйственного труда и последующей реализации его плодов. Инициатива и самостоятельность в производственной деятельности не допускались. Громоздкая многоступенчатая административная система основные усилия направляла не на улучшение

условия аграрного производства, а прежде всего на свое сохранение. Она не только не создала необходимых условий для рационального ведения земледелия, но породила многочисленные трудности, приведшие к резкому спаду сельскохозяйственного производства в далеком тыловом регионе.

Аграрное производство на Урале не смогло в полной мере обеспечить население продовольствием. Меры административно-командного порядка в первые годы войны не дали желаемого результата в силу отсутствия у земледельцев личной заинтересованности, плохого технического оснащения, бездорожья, неправильного землепользования, отсутствия налаженного хранения и переработки сельскохозяйственной продукции (по данным Наркомзага СССР более 20% заготовленного зерна по стране терялось только при хранении).

В едином аппарате военно-экономической мобилизации сельского хозяйства заметную роль играли заготовительные органы. В деревне действовала разветвленная сеть заготовительных организаций, которая свидетельствовала о том, что опека над непосредственным производителем была доведена до предела. Эта система, опираясь на органы милиции, позволяла в годы войны выкачивать из деревни большую часть произведенной продукции. Государство было ее единоличным обладателем и распорядителем. Заготовительным работам придавалось прямое военное оборонное значение (“Хлеб – это победа!”), в их осуществлении применялись всевозможные меры для изъятия продукции (сдача семенного материала, маточного поголовья, сокращение и невыдача продуктов по трудодням). Заготовительные цены на сельхозпродукцию оставались такими же, как до войны, и были мизерны.

Хлебозаготовки из-за резкого сокращения сборов проходили крайне трудно, кроме того сочетать уборку, молотьбу и вывоз зерна на заготовительные пункты было для колхозов чрезвычайно сложно – не хватало людей, тягла, отсутствовал автотранспорт. Хлеб не только не успевали обмолачивать, но и убирать.

Справиться с установленными планами поставок колхозы и совхозы не могли. В то же время понимания объективно сложившегося положения у властей не наблюдалось. Более того, они организовывали походы по выколачиванию зерна и других продуктов из деревни, используя уже апробированные методы – посылку уполномоченных в деревню, постоянную смену руководителей, репрессивные меры к “саботажникам хлебозаготовок”. Свердловская областная газета писала в передовице “Священный долг колхозников перед родиной”: “...затяжка хлебозаготовок – тягчайшее преступление перед Красной Армией и народом. ... Тот, кто срывает и саботирует обмолот и вывозку хлеба, тот изменник и предатель, пособник немецких фашистов” [55]. Увеличению обложения способствовали погектарный принцип начисления обязательных поставок, видовая оценка урожая. Предпринимались попытки расширения посевов с целью увеличения урожая хлеба (осенью 1941 г. и весной 1942 г.), ор-

ганизовывалось социалистическое соревнование колхозов и совхозов, районов, областей и республик по досрочному выполнению поставок сельскохозяйственной продукции государству. В итоге изъятие хлеба у его производителей на Урале увеличилось с 41% в 1941 г. до 49% в 1944 г. от валового сбора. Неуклонно рос удельный вес поставок животноводческой продукции: колхозами сдавалось до 58% полученного молока, до 74% масла, до 75% шерсти, до 82% яиц [56]. У производителей изымалась основная часть полученной продукции. Курс на расширение изъятия сельскохозяйственной продукции в пользу государства приводил к резкому уменьшению оплаты по трудодням, сокращению стада животных, семенных, фуражных, продовольственных фондов. Как показывают годовые отчеты, установленные планы поставок по всем видам колхозы и совхозы на Урале не выполняли. Более того, к 1944 г. сельскохозяйственные производители имели такое количество недоимок, что рассчитаться по ним не смогли долго. Жесткие военно-административные рычаги в 1941-1943 гг. и мобилизационные возможности колхозно-совхозного строя ощутимых результатов не дали.

В исторической литературе отмечается, что 1943 год – самый трудный для сельского хозяйства страны в годы войны. Ограничиваться этим не совсем точно. Крайне низкие показатели сельскохозяйственного производства 1943 г., да и предыдущего 1942 г., вызвали катастрофическую ситуацию с продовольствием. Население уральской деревни провело полуголодную зиму 1943 г., весну и лето 1944 г., причем помощи с стороны государства не было.

Сложившееся положение заставило уральские областные комитеты ВКП(б) в конце 1943 г. обратиться в Центральный Комитет с предложением о создании вокруг индустриальных центров собственной продовольственной базы. В основе предложенной концепции лежала идея о переориентации колхозов и совхозов на производство картофеля и овощей, мяса, молока, яиц. Одновременно требовалось значительное расширение коллективного и индивидуального огородничества и животноводства, дальнейшее развитие и укрепление подсобных хозяйств предприятий. Для осуществления этих мер предполагалось увеличение финансирования, расширение материально-технической помощи, снижение налоговых и заготовительных обложений.

24 марта 1944 г. Государственный Комитет Обороны впервые за военные годы принял постановление “О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области” [57]. Несколько позже, на основе отчетов обкомов партии, были приняты постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в которых намечалась программа выхода сельского хозяйства каждой области и автономной республики из критического состояния. Впервые местным органам разрешалось изменять структуру посевов, были уменьшены площади, облагаемые поставками, списывались частично недоимки прошлых лет, несколько увеличивалось снабжение деревни техникой, инвентарем, семенами, хозяйствам

пригородной зоны разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна, в индустриально развитых областях региона запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность. В 1944-1945 гг. было произведено массовое списание с колхозов недоимок по обязательным поставкам. С колхозов Челябинской области было списано 91% недоимок по мясу, 88% по молоку, 95% по шерсти, 88% по яйцу. Одновременно в ряде случаев были снижены нормы обязательных поставок. В 1945 г. для колхозов Свердловской и Челябинской областей были снижены нормы поставок зерна, а для последней еще по мясу и селу [58].

Принятие и осуществление комплекса этих мер свидетельствовали об известном повороте в аграрной политике в регионе. Это можно рассматривать как признание слабости проводившейся с начала 1930-х годов политике в деревне, и как определенную уступку крестьянству. Корректировка аграрной политики партии и государства была непосредственно связана с приближением окончания войны, с освобождением значительной части оккупированных территорий. В это же время приняты постановления о возобновлении производственной деятельности колхозов и совхозов на освобожденных территориях, о эвакуации населения, техники и скота из тыловых районов. Отказа от колхозной организации труда не предусматривалось, хотя часть колхозников об этом высказывалась. Так, в специальном донесении УНКВД по Курганской области секретарю обкома ВКП(б) отмечалось: "В ряде районов нашей области, пользуясь слабой постановкой партийно-массовой работы среди колхозников, антисоветские элементы распространяют провокационные слухи о, якобы, возможном в ближайшее время роспуске колхозов и подговаривают менее устойчивых колхозников на выход из колхозов. ... В связи с распространением провокационных слухов в селе Жуково [Куртамышского района Курганской области] в колхозе "Сигнал" в один день было подано 30 заявлений о выходе из колхозов, в последующие дни количество заявлений увеличилось. ... Гражданка Миронова Мария Игнатьевна проживает в селе Каменское [Шумихинского района] заявляет: "Нашему правительству Англия и Америка предложила пять условий: на армию надеть погоны, открыть церкви, распустить колхозы, освободить из тюрем заключенных и всех евреев направить на фронт. На армию погоны уже одели, церкви в городах открывают, колхозы же сразу распустить неудобно, решили к весне сделать много бригад в каждом колхозе, которые будут работать самостоятельно и урожай будут делить между собой, а осенью колхозы распустят и все будем жить единолично" [59].

Изменения в аграрной политике, а также благоприятные погодные условия в достаточно короткие сроки дали в регионе ощутимые результаты. Кризисная ситуация в сельском хозяйстве стала преодолеваться. Однако, несмотря на некоторый подъем, к концу войны колхозы и совхозы Урала подошли в крайней степени ослабленными и обессиленными – с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством. Утверждения И.

Сталина, что колхозы и совхозы с честью выдержали испытания и вышли из войны окрепшими, были очередной пропагандистской уловкой и откровенным обманом. Этого не могло произойти, так как колхозы и совхозы не только не могли вести расширенного воспроизводства, но даже и простого, поскольку большая часть произведенной продукции из деревни забиралась. Исходя из видовой оценки урожая, государство получало возможность почти в полтора-два раза увеличивать изъятие хлеба из колхозов, погектарный принцип обложения также вел к увеличению поставок сельскохозяйственной продукции, крестьянство же оставалось в условиях самовыживания. Деревня работала на износ, и это была цена, которую заплатило крестьянство Урала за победу в войне.

В годы Великой Отечественной войны оказались потерянны те элементы интенсификации земледелия, которые активно насаждались в довоенный период. Деревня была резервуаром резервов и ресурсов для развития промышленности. Сельское население в годы войны являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что и обусловило значительный отток людских ресурсов из деревни. В первый военный год убыль сельского населения компенсировалась прибытием эвакуированных, в последующие годы темпы сокращения росли. В целом по региону сельского населения стало в 1,34 раза меньше в 1945 г., чем в 1941 г., или уменьшилось на 2,2 млн человек[60].

Напряженность демографической ситуации в регионе проявлялась, с одной стороны, в концентрации неблагоприятных условиях внешней среды, в усилении их воздействия на организм человека, а с другой – в ослаблении способности общества противодействовать этому. В природно-климатическом плане Урал – район, наименее благоприятный для сохранения здоровья населения, и требовалась максимальная мобилизация и высокий уровень всей социальной сферы, соответствующего распространения самосохранительного поведения, здорового и качественного питания. Таких условий не было. Поэтому повышенный расход жизненной энергии проживавшего здесь населения явно не восстанавливался. Война, отвлекая ресурсы из сферы жизнеобеспечения и резко ограничивая потребление большинства людей привела к колоссальному напряжению всех духовных и физических сил. Перечисленные моменты заставляли людей жить и работать на износ, что естественно повлекло за собой резкое снижение рождаемости (на Урале она сократилась в 3,7 раза), число умерших в 1944 г. почти в 2 раза превысило число умерших. В тыловом Урале в условиях войны наблюдалось увеличение удельного веса умерших в трудоспособных возрастах. Произошла резкая деформация половозрастного состава сельского населения. Удельный вес мужской части жителей уральской деревни упал к 1945 г. до 36,8%, а женской увеличился до 63,2%. Наибольшему сокращению подверглось население в трудоспособном возрасте, особенно мужчины. Доля женщин 16-54 лет выросла за годы войны с 53,8 до 81,3%, а мужчин 16-59 лет – уменьши-

лась с 46,2 до 18,7% [61]. Убыль сельского населения в регионе значительно опережала сокращение крестьянских дворов. Деревня быстро обезлюдела, с каждым годом росло число хозяйств, которые велись престарелыми.

Рост армии и городского населения тяжелым бременем лежал на аграрной экономике. Многопольные (6-8-польные) севообороты в регионе были нарушены, их восстановление осуществлялось в конце 1940-х – 1950-е годы. Не было прогресса в совершенствовании сельскохозяйственной техники – восстанавливаемые тракторные и другие заводы сельхозмашиностроения ориентировались на выпуск довоенных моделей техники. Существенный удар по внедрению интенсивных сельскохозяйственных технологий был нанесен “лысенковщиной”, объявившей войну новым методам селекции и семеноводства. В силу объективных и субъективных факторов на этой фазе агроперехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

Прогрессивные тенденции аграрного развития в послевоенные годы проявились в практике полезащитных лесопосадок, расширении использования органических и минеральных удобрений. Во второй половине 1940-х годов развернулась электрификация села путем строительства малых гидроэлектростанций, с 1953 г. колхозы региона стали подключаться к государственным электросетям. В послевоенные годы определилась специализация сельского хозяйства Урала. В Свердловской области быстрее развивалось животноводство, овощеводство, картофелеводство, в Челябинской, Курганской, Оренбургской областях приоритет получило зерновое производство. Вокруг промышленных центров созданы специализированные овощекартофельные и молочно-животноводческие хозяйства. Однако становилось ясно, что экстенсивные системы земледелия исчерпали свой потенциал, справиться с продовольственным обеспечением выросшего городского населения аграрная сфера региона уже не могла. Необходимо было внедрение интенсивных технологий сельскохозяйственного производства, которое не состоялось на первой фазе аграрного перехода.

Уральская деревня за первую половину XX века очень изменилась. На этой фазе агроперехода быстрыми темпами шла ломка уклада сельской жизни – разъединялись сферы труда и быта, бывшие веками слитными; уходил в прошлое размеренный ритм деревенской жизни, во многом ранее определявшийся ритмами природы и сезонностью сельскохозяйственных работ, освящаемых и одухотворяемых церковью, теперь он больше зависел от распоряжений властей; постепенно исчезала локальная замкнутость “мира деревни”, ограничивавшая возможность контактов. Переход к преимущественно индустриальному развитию Урала не привел к гармоничным взаимоотношениям между городом и деревней, к индустриальному аграрному производству. Однобокость этого процесса вела к дальнейшему раскрестьяниванию.

Примечания

- ¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 27.
- ² Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Петроград, 1917. С. 200.
- ³ Там же. С. 194, 201.
- ⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 165. Л. 52.
- ⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 82. Д. 271. Л. 144.
- ⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 41а. Л. 13-108; Оп. 326. Д. 484. Л. 7, 27.
- ⁷ Там же. Оп. 81. Д. 35. Л. 19, 20.
- ⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 889. Л. 173.
- ⁹ Урал северный, средний, южный... С. 194-195.
- ¹⁰ Воробьев П.О. О распространении усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря у крестьян Пермской губернии // Пермская земская неделя. 1907. № 2. С. 26.
- ¹¹ См.: History of the 20th Century (volume 1). Tokyo, 2002. Edited by Hiroshi Okuda. The University of Tokyo. P. 33-54.
- ¹² История народного хозяйства Урала. Часть 1. Свердловск, 1988. С. 56.
- ¹³ Там же. С. 60.
- ¹⁴ Вопросы истории Урала. Выпуск 6. Свердловск, 1965. С. 137.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 614. Л. 24, 40.
- ¹⁶ Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928-1933 гг. Автореф. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002. С. 17.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.). Автореф. ... к.и.н. Курган, 1998. С. 17.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76; Ф. 255. Оп. 4. Д. 865. Л. 12.
- ²⁰ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в российской деревне. Пенза, 2003.
- ²¹ Баранов Е.Ю. Указ. соч. С. 24.
- ²² Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство России // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995. С. 34.
- ²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 492. Л. 40, 52, 64, 65, 110, 111.
- ²⁴ Рассчитано по: Посевные площади СССР. М., Л., 1939. С. 276, 278-280, 300, 302-304.
- ²⁵ Народное хозяйство Свердловской области. Статистический сборник. Свердловск, 1962. С. 89, 90.
- ²⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 33. Д. 223. Л. 25; Оп. 35. Д. 286. Л. 18.
- ²⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 133; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 54-57.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 59. Л. 20; Д. 298. Л. 11; Д. 545. Л. 80-82; Д. 791. Л. 23-25; Д. 1257. Л. 32-34.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3457. Л. 7-9; Д. 3468. Л. 17-19.

- ³⁰ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970. С. 19.
- ³¹ Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941-1945 гг. Барнаул, 1966. С. 28-30; История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945. М., 1987. С. 209-210.
- ³² КПСС в резолюциях... Изд.8. М., 1971. Т. 6. С. 30.
- ³³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 659. Л. 23.
- ³⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 28 мая.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 659. Л. 4-17.
- ³⁶ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 58.
- ³⁷ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3457. Л. 7-9; Д. 3468. Л. 17-19; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 13. Л. 1; Д. 221. Л. 35; Д. 388. Л. 16-31; Д. 726. Л. 6, 9, 80, 92, 155.
- ³⁸ Сельское хозяйство. Стат. сб. М., 1971. С. 112.
- ³⁹ Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 71; Посевные площади СССР. Стат. справочник. М.-Л., 1939. С. 6-10, 15-19, 131-135, 140-144, 215-219.
- ⁴⁰ Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 229.
- ⁴¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 65.
- ⁴² Корнилов Г.Е. Совхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны // Совхозы Урала в период социализма (1938-1985 гг.). Свердловск, 1986. С. 25.
- ⁴³ Государственный архив Свердловской области. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5311. Л. 11-13.
- ⁴⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 38. Л. 64, 93, 110, 128.
- ⁴⁵ Рассчитано по: Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1003. оп. 3. Д. 995. Л. 1-4; Д. 1077. Л. 1-14; Д. 1059. Л. 1-4; Государственный архив Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 891. Л. 99-102; Д. 893. Л. 52-54; Д. 898. Л. 65-69; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 387. Л. 64, 93, 110, 128; Д. 886. Л. 6, 11; Д. 1362. Л. 6, 9, 12, 15.
- ⁴⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 723. Л. 6, 9, 92, 155.
- ⁴⁷ Трифонов А.Н. Деятельность партии по организации снабжения населения Урала в период Великой Отечественной войны. Автореф. ...к.и.н. Свердловск, 1979. С. 17.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 209. Л. 38-44; Д. 940. Л. 21-23.
- ⁴⁹ Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 166-167.
- ⁵⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 911. Л. 31; Ф. 7486. Оп. 4. Д. 762. Л. 64, 116; Д. 839. Л. 6; Государственный архив Курганской области. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 32. Л. 36; Д. 56. Л. 31; Д. 95. Л. 4, 50, 51; Ф. 1607. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 74.
- ⁵³ Там же. С. 74, 104.
- ⁵⁴ Там же. С. 106.
- ⁵⁵ Уральский рабочий. 1942. 27 ноября.
- ⁵⁶ Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 113.
- ⁵⁷ Уральский рабочий. 1944. 25 марта.

⁵⁸ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5375. Л. 201; Д. 1616. Л. 135; Д. 1695. Л. 189; Ф. 1358. Оп. 2. Д. 17. Л. 8.

⁵⁹ Государственный архив общественно-политических движений Курганской области. Ф. 166. Оп. 1. Д. 162. Л. 44-46.

⁶⁰ Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 154.

⁶¹ Там же. С. 155-156.

В поисках уставов колхозов 1956 г. (заметки исследователя)

1. Уставы колхозов 1956 г. как исторический источник по колхозному строю

В феврале 1935 г. на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников народный комиссар земледелия СССР М. А. Чернов говорил так. ---Когда в 1930 г. был издан Примерный устав сельскохозяйственной артели, на основе его каждый колхоз должен был выработать свой устав. «Между тем, на практике, в преобладающем большинстве случаев, если не везде, колхозы просто принимали этот Примерный устав, утвержденный тогда Совнаркомом и ЦИК Союза»¹.

Тем не менее, и в 1935 г. тоже, когда на том съезде был принят новый Примерный устав сельхозартели, практически все колхозы принимали, кажется, этот новый Примерный устав в качестве своего устава².

Поэтому уставы отдельных колхозов, принятые на основе Примерного устава 1935 г., почти не имеют источниковедческую ценность. Текст первых просто копировали последний, а также размеры приусадебных участков и поголовье скота колхозников, вписанные в уставы колхозов, были определены партийными и советскими органами республик, краев и областей.

Например, устав сельхозартели «Большевик» Корсаковского района Орловской области на 1945 г. в части приусадебного землепользования колхозных дворов гласит следующее: «Из обобществленных земельных угодий выделяется в личное пользование каждого колхозного двора по небольшому участку в виде приусадебной земли (огород, сад). Размеры приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора (не считая земли под жилыми постройками), могут колебаться от $\frac{1}{4}$ гектара до $\frac{1}{2}$ гектара»³. Это повторяет слово в слово соответствующую статью Примерного устава 1935 г. за вычетом ее последнего отрывка, а именно: «а в отдельных районах до 1 гектара в зависимости от областных и районных условий, устанавливаемых народными комиссариатами земледелия союзных республик на основе указаний Народного Комиссариата Земледелия Союза ССР»⁴. Так как в мае 1935 г. по Курской области, в которую тогда была включена будущая Орловская область, облисполком и обком ВКП(б) рекомендовали всем колхозам установить размер приусадебной земли колхозного двора от 0,25 гектара до 0,5 гектара⁵.

Иначе обстоит дело с колхозными уставами 1956 г. В известной мере они точно отражали действительность каждого колхоза и, следовательно, служат значимым историческим источником как при исследовании отдельных колхозов, так и при изучении крестьянства того времени. Дело в том, что постановлением партии и правительства от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» рекомендовалось колхозам «сами дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью Устава с учетом местных, конкретных условий колхоза»⁶.

Так, например, в Русско-Бродском районе указанной области «в колхозах им. Буденного и «Путь к коммунизму» проект устава готовят единолично председатели колхозов т.т. Кравченко и Дуров». А из проверенных тогда пяти парторганизаций колхозов и МТС ни в одной не были обсуждены изменения и дополнения к уставу и сам устав⁷. Это подсказывает, что в то время фактически впервые в истории колхозной деревни крестьяне сами выработывали свои колхозные уставы.

Уставы колхозов 1956 г. ценнее в случае, когда хранятся тоже протоколы заседаний правлений колхозов и общих собраний колхозников, что позволяет конкретно освещать процесс и значение дополнения и изменения уставов.

При этом, если можно считать, что «и после коллективизации ... продолжала существовать (в центре России по крайней мере до середины 60-х годов) совокупность крестьянских мирков, генетически продолжающих тысячелетнюю традицию российского крестьянства»⁸, и целесообразно выделять два периода времени в истории колхозного строя в России после 1930-х гг., то можно сказать, что одними из важных исторических источников по ее первому, раннему периоду являются уставы колхозов 1956 г.

2. Сохранность первичных материалов и ее характеристики

Для выявления сохранности уставов 1956 г. и связанных с ними документов колхозов собраны были различные материалы в Алтайском крае и Орловской области. Две местности выбирались довольно случайно, хотя и между ними есть общее как производящая полоса.

Собранные материалы в основном архивные, а частично газетные.

В архивах собраны были документы краевого (областного) комитетов партии, прокуратур, исполкомов и, в частности, их управлений сельского хозяйства. Кроме того, насколько хранятся в архивах, просмотрены были протоколы или решения райисполкомов о регистрации уставов колхозов, протоколы заседаний правлений и общих собраний об изменении уставов отдельных колхозов и, наконец, сами уставы колхозов (или части их изменений), хотя и недостаток времени исследовательской работы заставил автора настоящих заметок ограничивать круг собранных материалов не-

сколькими районами.

Что касается архивных материалов по отдельным районам и колхозам, привлекло внимание то, что в Орловской области они сосредоточиваются в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) и, кажется, ничего нет в районных архивах. А в Алтайском крае довольно много материалов хранятся как в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК), так и в районных архивах.

В результате исследования получены какие-нибудь информации об уставах 1956 г. в сумме 141 колхозов: 98 в Алтайском крае и 43 в Орловской области (См. Таблицы 1 и 2).

Представляется, что теперь собраны почти все существующие материалы 7 районов Алтайского края, по которым исследование было проведено и в районных архивах, а также 3 районов Орловской области, по которым были исследованы порайонные фонды колхозов ГАОО.

Однако есть немало колхозов, по которым оставлены только такие незначимые информации в протоколах, как «Общее собрание решило: новый устав с/х артели утвердить» или «Исполком ... районного Совета депутатов трудящихся решил: устав сельхозартели колхоза ... регистрировать» (См. информации со знаком (*) в Таблицах 1 и 2).

Если исключать все колхозы с такими незначимыми информацией, в пределах указанных 7 районов Алтайского края и 3 районов Орловской области остаются соответственно 36 и 24 колхозов (См. Таблицу 3).

Из Таблицы 3 видно: (1) около 30% колхозов Алтайского края и 40% колхозов Орловской области оставляют значимые сведения о своих уставах 1956 г. и (2) Алтайскому краю характерен тот факт, что там почти не оставлены сами уставы колхозов.

Кстати сказать, в апреле 1957 г. в Алтайском крае крайисполком потребовал от председателей исполкомов 36 районов из 65 (за исключением Горно-Алтайской автономной области) представить отчеты об ускорении работы по принятию и регистрации уставов колхозов. В список этих районов включались и тоже 5 районов из 7, помещенных в Таблице 3. Поэтому по сохранности документов колхозов другие районы края, может быть, выше указанных 7 районов.

Что касается 3 районов Орловской области, названных в Таблице 3, на 26 октября 1956 г. было принято или зарегистрировано следующее количество новых колхозных уставов. Здесь работа шла успешнее по сравнению с остальными районами области. Поэтому по сохранности материалов другие районы области, вероятно, ниже указанных 3 районов.

**Принятие и регистрация уставов колхозов в Орловской обл.
на 26 октября 1956 г.***

Районы	всего колхозов	принято новых уставов с.х. артели (в %)	зарегистрировано в райисполкомах (в %)
Корсаковский	16	16 (100)	15 (93,8)
Ново-Деревеньковский	24	24 (100)	0 (0)
Русско-Бродский	18	18 (100)	5 (27,8)
итого по 3 районам	58	58 (100)	20 (34,5)
итого по области	591	261 (44,2)	85 (14,4)

* Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-310. Оп.1. Д.6743. Л.234

3. Оценка, и возможные факторы, оказавшие влияние на сохранность материалов

Оценка сохранности материалов зависит от того, какой критерий будет выбран.

С точки зрения правовой нормы сохранность порядка 30-40% весьма низкая. Дело в том, что по Правилам работы архивов учреждений, организаций и предприятий, утвержденным приказом МВД СССР от 1 июня 1956 г., документальные материалы в архивах колхозов хранятся в течение 5 лет и по истечении этого срока хранения они должны были передаваться в государственные архивы (Гл. 1, Ст. 6)⁹.

Однако для того чтобы оценивать ситуацию с исторической точки зрения нужно рассматривать возможные факторы, которые оказывали влияние на уровень сохранности документов колхозов.

Выявление таких факторов позволяло бы объяснять тот факт, что в Алтайском крае до крайности мало найдены сами уставы колхозов 1956 г.

(1) Прежде всего следует отметить, что несмотря на то, что официально нередко устав колхоза называли «основным законом колхозной жизни», он на самом деле не являлся важнейшим документом колхоза.

Так получилось, что в «Объединенном архивном фонде колхозов Алтайского края»¹⁰ ЦХАФАК хранятся, в основном, протоколы заседаний правления и общих собраний и годовые отчеты колхозов, хотя и почему-то в хранилище часто нет последних.

(2) В Алтайском крае сразу после опубликования постановления партии и правительства от 6 марта 1956 г. наблюдалось у краевого руководства партии негативное отношение к проявлению инициативы у местных партийных и советских органов¹¹.

В постановлении от 19 марта Бюро крайкома КПСС подчеркивало, что осуществление постановления от 6 марта должно явиться повседневной работой в колхозах, а не кратковременной кампанией¹². В постановлении Бюро от 20 апреля осуждался за спешку ряд райкомов партии и райисполкомов, и там считалось неправильным то, что они опубли-

ликовали дополнения к уставу колхоза в районных газетах. В том же постановлении осуждались даже колхозы, принявшие совершенно новые тексты устава вместо изменений или дополнений его отдельных статей¹³. Поэтому было бы естественно, что в колхозах Алтайского края очень редко составляли целые уставы¹⁴, а также что при регистрации только измененной части уставов падает сохранность данных документов.

(3) О путанице в райисполкомах сообщали и в Орловской области и в Алтайском крае.

В одном районе Алтайского края уставы, включающие в себе противозаконные положения, были зарегистрированы без изменения, а изменения к уставу, порекомендованные райисполкомом, не рассматривались на общих собраниях колхозников, в результате чего в колхозах не знали, какой устав действует¹⁵.

В конце концов, в момент начала 1957 г. в Алтайском крае наблюдался ужасный беспорядок, о чем говорит решение крайисполкома от 9 апреля того же года.

«Колхозы Марушинского района в марте месяце 1956 года представили для регистрации свои Уставы, однако они до сих пор не зарегистрированы. Благовещенским райисполкомом из 16 колхозов зарегистрировано всего лишь 3 устава, а по Зональному и Змеиногорскому районам до сих пор не зарегистрировано ни одного Устава. В колхозе «Шестая пятилетка» Павловского района не обсуждали вопроса о дополнениях и изменениях к Уставу. В колхозе имени Кирова и им. Сталина Бурлинского района нет своих Уставов, а колхозы пользуются только примерными Уставами...

До сих пор не произведена регистрация Устава сельхозартели во многих колхозах Романовского, Ребрихинского, Алейского, Локтевского, Новичихинского, Поспелихинского, Шипуновского, Залесовского, Косихинского, Кытмановского, Сорокинского, Усть-Калманского, Грязнухинского, Петропавловского, Солтонского и Сростинского районов»¹⁶.

И теперь крайком партии, кажется, по-настоящему взялся за выполнение постановления от 6 марта 1956 г.

(4) В 1957 г. краевые, областные прокуратуры и исполкомы стали усиливать борьбу с нарушением законодательства, заключавшимся в измененных уставах колхозов, например, с положением о непомерном сокращении приусадебных земель рабочих и служащих, проживающих на территории колхозов. При этом важную роль играло постановление Совета Министров РСФСР от 18 мая 1957 г. «О фактах нарушения приусадебного землепользования рабочих, служащих, пенсионеров и других граждан, проживающих на территории колхозов»¹⁷. В результате, как при четырех колхозах Павловского района в Таблице 1, случилась отмена регистрации части противозаконных положений в уставах, которые раньше были зарегистрированы в райисполкомах.

(5) Как выше изложено, каждому колхозу пришлось передавать государственному архиву свой устав 1956 г. по истечении 5 лет, т.е. в начале

1960-х гг. Однако уже с конца 1950-х гг. началось так называемое необоснованное ограничение личного подсобного хозяйства граждан. В то время в одном районе Алтайского края руководящие работники колхозов говорили так: «Устав сельхозартели, как устаревший, будет в скором времени вообще отменен», и они перестали руководствоваться положениями Уставов¹⁸. Такая ситуация должна была еще сильнее способствовать утере колхозных уставов 1956 г.

(6) В заключение нужно останавливаться на такие факторы, как укрупнение колхозов и, в частности, их реорганизацию в совхозы.

Вот и такая история о колхозах Кулундинского района Алтайского края. В 1950 г. всего 7 колхозов объединились в колхозы «Знамя коммунизма» и им. Хрущева. В 1956 г. эти два колхоза объединились в один колхоз им. Хрущева, который в следующем году вошел в совхоз «Победа». Однако до 1957 г. в Кулундинский райгосархив ни разу не сдавались документы колхозов «Знамя коммунизма» и им. Хрущева. Они были обнаружены в 1968 г. в архиве совхоза «Победа»¹⁹.

Нечего и говорить о негативном воздействии реорганизации колхозов на сохранность их документов. И представляется, что в Алтайском крае такой процесс шел шире и быстрее чем в Орловской области.

Число колхозов и совхозов (на конец года)*

годы		1950	1953	1955	1956	1958	1959	1960	1961	1965	1966
Орловская область	колхоз	1349	1023	621	589	512	424	324	320	325	334
	совхоз	22	22	21	22	24	24	47	47	64	67
Алтайский край	колхоз	1375	1308	1215	1142	643	577	530	404	386	339
	совхоз	88	91	105	106	149	158	161	181	227	270

*Народное хозяйство Орловской области. Орел, 1957. С. 28-29; Там же. Орел, 1960. С. 81; Там же. Орел, 1972. С. 115; Народное хозяйство Алтайского края. Барнаул, 1958. С. 43, 54; Народное хозяйство Алтайского края в 1958-1965 гг. Барнаул, 1966. С. 44; Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. Барнаул, 1967. С. 40.

Из всех вышеизложенных можно заключить, что с учетом всех исторических факторов, оказывавших влияние на уровень сохранности уставов 1956 г. и связанных с ними документов колхозов, их сохранность порядка 30-40% считается не так низкой.

Примечания

¹ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. М., 1935. С. 232.

² Даже в середине 1960-х гг. был колхоз, который называл свой устав «примерным». При этом слово «примерный», вероятно, означает «отличный». См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1906.

Л. 34-46.

³ Государственный архив Орловской области (далее --- ГАОО). Ф. 2937. Оп. 13. Д. 1. Л. 2.

⁴ СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

⁵ Правда. 1935. 17 мая. С. 4.

⁶ Правда. 1956. 10 марта. С. 1.

⁷ ГАОО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 2349. Л. 12.

⁸ М.А. Безнин. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. Москва-Вологда, 1991. С. 224.

⁹ Правила работы архивов учреждений, организаций и предприятий. М., 1956. С. 5.

¹⁰ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее --- ЦХАФАК). Ф. Р-964.

¹¹ См.: Ю.П. Денисов. Развитие колхозной демократии (1946-1970 годы). Ростов-на-Дону, 1975. С. 38.

¹² ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 99. Д. 31. Л. 252.

¹³ Там же. Д. 32. Л. 16, 17, 23.

¹⁴ Заглавие настоящих заметок пришло их автору в голову при работе в Алтайском крае.

¹⁵ ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 6. Д. 917. Л. 31-33.

¹⁶ Там же. Ф. Р-834. Оп. 4. Д. 409. Л. 116.

¹⁷ Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству. Т. 3. М., 1958. С. 457-458

¹⁸ ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп. 6. Д. 917. Л. 33.

¹⁹ Там же. Ф. Р-964. Оп. 2. Предисловие описи.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№ п/п	№ №	(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления		протокол общего собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РККА	дата регистрации устава	место хр.	другие материалы
				дата	место хр.	дата	место хр.	дата	место хр.				
		(Белоглазовский)											
1	1	Комарчинский	им. Ворошилова			14.04.1956	ЦХАФАК						
2	2	Тугозвоновский	им. Ленина			18.04.1956	ЦХАФАК						
		(Волчихинский)											
3	1	Волчихинский	им. Буденного (11.02.1956-)	13.04.1956 (*)	ЦХАФАК	20.31.05.1956	ЦХАФАК	09.04.1956	ЦХАФАК	20.12.1956	ЦХАФАК		
4	2	Усть-Волчихинский	Память Ленина	09.04.1956	ЦХАФАК	13.04.1956	ЦХАФАК						
5	3	Ярослав-Логовской	им. Молотова	04.04.1956 (*)	ЦХАФАК	09.04.1956	ЦХАФАК						
6	4	Ярослав-Логовской	Память Ленина										
		(Ельцовский)											
7	1	Ельцовский	им. Мичурина			08.04.1956 (*)	ЦХАФАК						
8	2	Ельцовский	Победа	25.09.1956	райархив	25.03.1956	ЦХАФАК						
		(Калманский)											
9	1	Бурановский	Победа Октября			15.04.1956	райархив						
10	2	Шадринский	им. Кирова	25.09.1956	райархив								
		(Каменский)											
11	1	?	им. Мичурина										Алтай. правда. 17.03.1956
		(Краснощевковский)											
12	1	Краснощевковский	Колхозная крепость	06.04.1956 (*)	ЦХАФАК	09.04.1956 (*)	ЦХАФАК						
		(Крутихинский)											
13	1	Пряганский	им. Жданова	01.04.1956 (*)	ЦХАФАК	08.04.1956 (*)	ЦХАФАК						
		(Локтевский)											
14	1	?	Краснофлотец										Алтай. правда. 30.03.1956
		(Павловский)											
15	1	Кольванский	Путь к коммунизму			12.04.1956	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив		
16	2	Лебяжинский	им. Ленина			11.04.1956 (*)	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив		
17	3	Павловский	им. Тельмана	13.04.1956 (*)	райархив	20.04.1956 (*)	райархив						
18	4	Рогозинский	им. Молотова	26.04.1956	райархив	23.06.1956	райархив			07.01.1957 (*)	райархив		
19	5	Черемновский	Завет Ильича	11.04.1956	ЦХАФАК					07.01.1957 (*)	райархив		
20	6	Черемно-Подгорновский	им. Чалова	22.04.1956	райархив	10.04.1956	райархив			30.06.1956 (отменено 06.09.1957)	райархив		
21	7	Черноятовский	им. Ленина 25-тысячник	15.04.1956	ЦХАФАК	18.04.1956	ЦХАФАК			07.01.1957 (*) (отменено 06.09.1957)	райархив		
22	8	Черноятовский	Стальная колонна			14.04.1956 (*)	райархив			07.01.1957 (*) (отменено 06.09.1957)	райархив		
23	9	Шаховский	им. Кундышева			11.07.1956 (*)	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив		
24	10	?	Знамя Октября							30.06.1956 (отменено 06.09.1957)	райархив		
25	11	?	им. Ворошилова							07.01.1957 (*)	райархив		
26	12	?	им. Кагановича							07.01.1957 (*)	райархив		
27	13	?	Память Кирова							07.01.1957 (*)	райархив		
28	14	?	Путь вперед							07.01.1957 (*)	райархив		
29	15	?	Путь Сталина										райгаста. 29.03.1956
30	16	?	?			05.04.1956 (*)	ЦХАФАК			07.01.1957 (*)	райархив		райгаста. 22.03.1956
		(Парфеновский)											
31	1	?	Зеленая Роща							05.10.1956	ЦХАФАК		
32	2	?	им. Ворошилова							05.10.1956 (*)	ЦХАФАК		
№ №		(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления		протокол общего собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РККА		другие материалы	

1) ЦХАФАК. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*) материалы, известные только датами, исти не указывающие конкретно о содержании изменений уставов.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№ п/п	наименование колхоза	дата	место хранения	дата	место хранения	место хранения	дата	место хранения	дата регистрации устава		место хранения
									место хранения	место хранения	
33	?								05.10.1956		ЦХАФАК
34	им. Куйбышева								05.10.1956		ЦХАФАК
35	им. Сталина								10.12.1956		ЦХАФАК
36	им. Хрущева								05.10.1956		ЦХАФАК
37	Красный Алтай								05.10.1956		ЦХАФАК
38	Орел								05.10.1956		ЦХАФАК
39	Путь к коммунизму								05.10.1956		ЦХАФАК
40	Путь Сталина								06.07.1956		ЦХАФАК
41	им. Кагановича	13.04.1956			райархив				06.07.1956		ЦХАФАК
42	им. Молотова								06.07.1956		ЦХАФАК
43	Знамя родины	21.02.1957			райархив				06.10.1956		ЦХАФАК
44	Красное знамя	20.04.1956			райархив				06.10.1956		ЦХАФАК
45	Ленинец								06.07.1956		ЦХАФАК
46	Память Кирова								06.07.1956		ЦХАФАК
47	Станционно-Поспелихинский им. Калинина								21.05/22.12.1956		ЦХАФАК
48	Факел коммунизма	20.04.1956			райархив				21.06.1956		ЦХАФАК
49	Путь Ильича	10.04.1956			райархив				06.07.1956		ЦХАФАК
50	Путь к коммунизму	12.04.1956			райархив				06.10.1956		ЦХАФАК
51	им. Булганина								21.05.1956		ЦХАФАК
52	Знамя Советов	06.04.1956	райархив		райархив				21.05.1956		ЦХАФАК
53	Страна Советов										
54	им. Ленина										
55	им. Молотова										
56	им. Жданова										
57	им. Карла Маркса								31.10.1956		ЦХАФАК
58	им. Ленинского комсомола	18.04.1956			райархив				31.10.1956		ЦХАФАК
59	им. Маленкова								31.10.1956		ЦХАФАК
60	им. Молотова								31.10.1956		ЦХАФАК
61	им. Свердлова								31.10.1956		ЦХАФАК
62	им. Сталина								31.10.1956		ЦХАФАК
63	им. Чкалова								31.10.1956		ЦХАФАК
64	им. Энгельса								31.10.1956		ЦХАФАК
65	Память Ленина								31.10.1956		ЦХАФАК
66	Победа коммунизма										
67	Революция	27.04.1956			райархив						
68	им. Хрущева	17.04.1956			райархив						
69	им. Буденного	15.04.1956			райархив						
70	Искра Ленина	11.04.1956			райархив				15.08.1956		ЦХАФАК
71	Перелом	09.04.1956			райархив				16.01.1957		райархив
№ №	Сельсовет	протокол зас. правления	место хранения	дата	место хранения	место хранения	дата	место хранения	решение (бюро) РИКа	место хранения	другие материалы
	(Район)	Колхоз							дата регистрации устава		

1) ЦХАФАК: Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов

Таблица 2. Колхозы Орловской области, по которым собраны архивные и другие материалы и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№ №	(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления	протокол общ. собрания	устав (часть изменений)	решение (бюро) РКК	другие материалы
			дата	дата	место, хр.	место, хр.	
(Верховский)							
1	Корунский	им. Хрущева	20.05.1956	ГАОО			Справка о состоянии соц. законности в районе, 1957 (ГАОО)
2	1 ?	им. Хрущева					
(Дроковский)							
3	Ивановский	Память Кирова		?	ГАОО		
4	Толковский	им. Жданова		(?)	ГАОО		
(Знаменский)							
5	1 ?	Красная пина					Письмо зам. нач. Облуправления с х. март 1957 (ГАОО)
6	2 ?	Путь к коммунизму					Письмо зам. нач. Облуправления с х. март 1957 (ГАОО)
(Корсаковский)							
7	Головинский	им. Хрущева		02.09.1956	ГАОО		
8	Красногорский	Завет Ильича		03.04.1956	ГАОО		
9	Марьинский	Путь к коммунизму		09.04.1956	ГАОО		
10	4 Ново-Михайловский	Верный путь		29.03. ? 1956	ГАОО	22.09.1956 (*)	
11	5 Покровский	Красная зarya		29.03.1956	ГАОО		
12	6 Покровский	Большевик		28.03.1956	ГАОО		
(Краснозорецкий)							
13	1 Успенский	им. Сталина					
(Ново-Деревеньковский)							
14	1 Богодатовский	им. Ворошилова					
15	2 Богодатовский	Путь к коммунизму		30.05.1957 (*)	ГАОО	05.08.1957 (*)	
16	3 Глебовский	им. Ильича	04.04.1956		ГАОО	20.05.1957 (*)	
17	4 Журавлинский	им. Сталина	16.04.1956		ГАОО	20.05.1957 (*)	
18	5 Косаревский	им. Жданова		27.05.1956	ГАОО		
19	6 Никитинский	им. Хрущева		08.07.1956	ГАОО		
20	7 Ново-Деревеньковский	им. Маленкова				20.05.1957 (*)	
21	8 Старогольский	Путь Сталина				20.05.1957 (*)	Письмо нач. Облуправления с х. 16.01.1957 (ГАОО)
22	9 ?	Путь к рассвету					П.Н.Ростов. Охрана колх. земельно-земельная Орел, 1958
(Орловский)							
23	1 ?	им. Сталина					П.Н.Ростов. Охрана колх. земельно-земельная Орел, 1958
24	2 ?	им. Фрунзе					Орловская правда, 27.10.1956
(Русско-Бродский)							
25	1 Нижне-Жерновский	Звезда					
26	2 Нижне-Жерновский	им. Ворошилова					
27	3 Нижне-Жерновский	им. Маленкова	28.07.1911.1956	ГАОО			
28	4 Денишинский	им. Буденного	23.07.1956 (*)	ГАОО	04.08.1956		
29	5 Покровский	им. Карла Маркса					
30	6 Покровский	Труд					
31	7 Рождественский	им. Хрущева	16.07.1956 (*)	ГАОО			
32	8 Рудневский	им. Хрущева					
33	9 Русско-Бродский	им. Молотова	12.07.1956	ГАОО			
34	10 Телженский	им. Калинин					
35	11 Телженский	Ленинский путь					
36	12 Троицкий	им. Чалова					
37	13 Троицкий	Вперед к коммунизму					
38	14 ?	Заветы Ильича					
39	15 ?	Заря					
40	16 ?	им. Ленина					
41	17 ?	им. Ленина					
42	18 ?	Путь к коммунизму					
(Сосковский)							
43	1 ?	им. Калинин					
Количество колхозов			43 (без (*) 34)	7 (без (*) 5)	10 (без (*) 8)	26 (без (*) 21)	23 (без (*) 0)

1) ГАОО: Гос. архив Орловской обл. 2) (*) материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов

Таблица 3. Количество колхозов, по которым известно что-нибудь о содержании измененных уставов 1956 г.

(1) Алтайский край (7 районов, по которым собраны материалы и в районных архивах)

районы	содержание уставов известно на материалах						Итого (без дублирования) (А)	общее число колхозов в конце 1955 г. (Б) *	(А)/(Б) в %
	протокола зас. правления	протокола общ. собрания	устава (части изменений)	решения (бюро) РИКа	других				
Калманский	1	1	0	0	0	2	14	14,3	
Павловский	4	5	0	2	2	8	18	44,4	
Поспелихинский	1	7	0	7	0	10	14	71,4	
Сорокинский	0	1	1	0	0	2	20	10,0	
Тальменский	0	7	1	3	0	8	21	38,1	
Топчихинский	0	0	0	1	3	4	17	23,5	
Шипуновский	1	2	0	0	0	2	24	8,3	
всего	7	23	2	13	5	36	128	28,1	

* Народное хозяйство Алтайского края. Статистический сборник. Барнаул, 1958. С. 74-75

(2) Орловская область (3 района, по которым собраны материалы порайонных фондов колхозов в ГАОО)

Районы	содержание уставов известно на материалах						Итого (без дублирования) (А)	общее число колхозов в конце 1955 г. (Б) **	(А) / (Б) в %
	протокола зас. правления	протокола общ. собрания	устава (части изменений)	решения (бюро) РИКа	других				
Корсаковский	0	1	6	0	0	6	16	37,5	
Ново-Деревеньковский	2	2	1	0	2	5	25	20,0	
Русско-Бродский	2	4	11	0	1	13	18	72,2	
всего	4	7	18	0	3	24	59	40,7	

** Народное хозяйство Орловской области. Статистический сборник. Орел, 1957. С. 29

**Миграция и трудовые ресурсы донского села
60 – 80-х годов XX века:
опыт административного регулирования**

Во второй половине XX века российское сельское хозяйство переживало процесс модернизации, который проходил в русле общемировых закономерностей, но отличался значительным национальным колоритом. Более того, модернизация аграрной экономики не только была окрашена в национально-самобытные тона, но и отличалась значительной региональной спецификой. К числу модернизационных процессов относится миграция сельского населения, обеспечение сельскохозяйственного производства рабочей силой. Указанные процессы происходили под воздействием общих факторов модернизации, особенностей аграрной и социальной политики государства, конкретной практики региональной партийно-хозяйственной элиты.

Рассмотрим эти проблемы на примере Ростовской области – важного сельскохозяйственного района России. Ростовская область – наиболее урбанизованная территориально-экономическая зона в структуре Северо-Кавказского экономического региона. Область сосредоточивает почти треть населения Северного Кавказа (4404 тыс. человек по переписи 2002 г.), пятую часть всех его городов, занимает территорию площадью в 101 тыс. км². Сельскохозяйственное производство в области в 1965 году осуществляли 523 колхоза и совхоза и 736 колхозов и совхозов в 1985 году. За ними было закреплено 5,5 млн. га в 1965 году и 5,05 млн. га в 1985 году. В области в 1985 г. было свыше 430 тыс. га орошаемых земель. поголовье продуктивного скота в хозяйствах всех категорий составляло (тыс. голов): крупного рогатого скота – 2338,9, свиней – 2410,5, овец и коз – 4285,5, птицы – 36924. Среднегодовое производство зерновых культур превысило во второй половине 80-х годов 7,5 млн. тонн (Таблица 8)¹. Ростовская область всегда играла важную роль в производстве сельскохозяйственной продукции в России и СССР.

Чем характеризовалась миграционная подвижность населения Ростовской области в 60-е годы? Для ответа на этот вопрос воспользуемся материалами справки «О миграции сельского населения Ростовской области», подготовленной областным статистическим управлением в августе 1970 г.

После переписи 1959 года сельское население области увеличилось

на 92 тыс. человек или на 7%, численность городского населения увеличилась на 428 тыс. человек или на 21%. Несмотря на некоторое увеличение сельского населения удельный вес его в общей численности населения сократился на 3% (таблица 1).

Таблица 1

Динамика численности городского и сельского населения Ростовской области

Дата переписи	Городское (тыс. чел.)	Сельское (тыс. чел.)	Удельный вес сельского населения
15.01.1959 г.	1992,8	1318,9	39,8
15.01.1970 г.	2420,9	1411,4	36,8

Сельское население за этот период сократилось в 12 районах области и увеличилось в 25. Более всего оно сократилось в Родионово-Несветайском районе на 11%, в Миллеровском на 8%, Матвеево-Курганском на 7%, Тарасовском на 6%. Уменьшение численности сельского населения имелось и в Белокалитвенском, Верхнедонском, Каменском, Кашарском, Песчанокопском, Усть-Донецком, Целинском, Чертовском районах. Сельское население увеличилось в Цимлянском и Аксайском районах на 32%, в Мясниковском, Мартыновском, Сальском, Семикаракорском на 22-25%, Заветинском, Морозовском, Октябрьском, Багаевском на 10-15%.

На изменение численности сельского населения оказали влияние естественный прирост, преобразование населенных пунктов в городские, включение в состав городов и рабочих поселков сельских населенных пунктов в связи с развитием промышленности, а также миграция. Преобладающее влияние на уменьшение численности сельского населения оказывает выбытие населения на постоянное место жительства в города. За 1960-1969 гг. сельское население уменьшилось за счет этого фактора на 649 тыс. человек. За счет преобразования населенных пунктов в городские численность сельского населения уменьшилась на 69 тыс. человек. Естественный прирост сельского населения систематически снижался и составил в 1969 году 3,5 на 1000 человек населения против 15,7 в 1960 г., т.е. уменьшился на 78%.

Выбытие населения приводит к снижению рождаемости и в связи с этим к постарению населения, так как уходят в основном люди в плодотворном возрасте. В Вешенском районе на 1000 человек населения рождаемость составила – 10,3, в Белокалитвенском – 10,4, в Миллеровском – 10,9, а в связи с высоким удельным весом лиц в старческих возрастах смертность населения в Вешенском районе – 11,9, в Верхнедонском – 11,3, в Тарасовском – 10,6, в Миллеровском – 10,2, что выше областного показателя. В связи с низкой рождаемостью и высокой смертностью в указанных районах почти нет естественного прироста населения.

Удельный вес населения в возрасте старше трудоспособного составляет в Вешенском районе 28%, в Верхнедонском районе – 27%, в Тара-

совском – 26%, в Миллеровском – 24%, при 20% в среднем по области (по РСФСР – 18%). На 100 человек населения в трудоспособном возрасте в Вешенском районе приходится 61 человек в возрасте старше трудоспособного, в Верхнедонском – 58, в Тарасовском – 57, в Миллеровском – 50, тогда как в целом по области это соотношение составляет 36 человек (в РСФСР – 38 человек). Возрастная структура мигрирующего населения резко отличается от возрастной структуры сельского населения (таблица 2).

Таблица 2

**Возрастная структура сельского и мигрирующего населения
Ростовской области**

Возрастные группы	1969 г.		Все сельское население на начало 1970 г.
	Прибывшие в села	Выбывшие из села	
	(в процентах к итогу)		
Всего,	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте 0-15 лет	13,2	12,4	29,9
В трудоспособном возрасте 16-54 (женщины), 16-59 (мужчины)	81,5	81,5	49,8
Старше трудоспособного возраста	5,3	6,1	20,3

На начало 1970 года 30% населения составили дети в возрасте 0-15 лет, а среди прибывших в 1969 году в селе они составили только 13% и среди выбывших 12%. Население в трудоспособном возрасте в селах составляло 50%, а среди и прибывших, и выбывших 82%. Численность населения старше трудоспособного возраста составляла 20% в сельском населении и немногим более 5% в числе прибывших и выбывших. Интенсивность миграции характеризуется следующим (таблица 3):

Таблица 3

Динамика интенсивности миграции в Ростовской области

Годы	Число прибывших в сельскую местность		Число выбывших из сельской местности		Механический Прирост (+ или -)	
	Всего (тыс. чел.)	На 1000 жителей	Всего (тыс. чел.)	На 1000 жителей	Всего (тыс. чел.)	На 1000 жителей
1960	74,1	55	74,6	55	- 0,5	-
1965	61,3	44	61,0	44	0,3	0
1968	65,5	47	70,1	50	- 4,6	- 3
1969	70,9	50	70,0	50	0,9	0

Интенсивность миграции по районам крайне неравномерна от 33 до 92 прибывших и от 32 до 78 выбывших на 1000 жителей. Наиболее интенсивная миграция в Аксайском, Октябрьском и Пролетарском районах. В 1969 году коэффициенты прибытия и выбытия в этих районах составили 92-85 прибывших и 78-68 выбывших на 1000 жителей. Менее интен-

сивная миграция была в Вешенском, Кашарском, Тарасовском, Миллеровском районах. Сравнительно высокий коэффициент механического прироста отмечается в Октябрьском, Цимлянском, Аксайском, Ремонтненском (17-14 на 1000 жителей), самый низкий (1-2 на 1000 жителей) в Верхнедонском, Мясниковком, Неклиновском, Чертковском, Вешенском, Милютинском районах.

Причины передвижения сельского населения в возрасте 16 лет и старше в 33 районах в июле 1970 г. отражены в таблице 4.

Таблица 4

Причины миграции взрослого населения Ростовской области

Причины прибытия (выбытия)	Число прибывших		Число выбывших	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Всего мигрировало,	5593	100,0	5070	100,0
в том числе:				
на работу	2932	52,4	2113	41,7
на учебу	69	1,2	943	18,6
с семьей	203	3,6	190	3,7
к прежнему месту жительства	1601	28,7	1073	21,2
прочие причины	788	14,1	751	14,8

Из всех прибывших в села в возрасте 16 лет и старше 52% указали основной причиной миграции переезд на работу, из выбывших 42% указали на работу и 19% - на учебу.

Половозрастная структура выбывшего в июле 1970 году трудоспособного сельского населения по 33 районам области характеризуется следующим (таблица 5, в %).

Таблица 5

Половозрастная структура выбывшего сельского населения в Ростовской области (июль 1970 г., в %)

Показатели структуры	Всего	16-19 лет	20-24 года	25-29 лет	30 лет и старше
Итого	100,0	27,8	25,7	9,4	37,1
в том числе:					
Мужчины в возрасте 16-59 лет	50,4	8,0	14,9	5,4	22,1
Женщины в возрасте 16-54 года	49,6	19,8	10,8	4,0	15,0

Из таблицы видно, что выезжает больше мужчин, чем женщин. Наиболее подвижным является трудоспособное население в возрасте от 16 до 25 лет. Миграция населения в этих возрастах в основном связана с поступлением в высшие, средние специальные и другие учебные заведения, призывом в Советскую Армию. Анализ показывает, что 37% трудоспособного населения выбывает в возрасте 30 лет и старше, в том числе мужчин 22%. Распределение выбывшего из села населения в этом воз-

расте по причинам характеризуется следующим образом: на работу – 52%, к прежнему месту жительства – 28%, прочие причины – 20%.

Помимо производственно-экономического фактора (отсутствие работы по специальности, сезонность в работе и других) население выезжает из села из-за неудовлетворенности культурно-бытовым обслуживанием и плохих транспортных связей с городом. Большое количество культурно-бытовых учреждений находится далеко от сельских населенных пунктов, не все поселки электрифицированы и радиофицированы. Так, в 1969 г. 59 населенных пунктов в 18 районах области с населением 2,7 тыс. человек не имели электричества. В 395 населенных пунктах области (14% к общему количеству) отсутствовала радиотрансляция. Только в 4 районах (Кашарском, Милютинском, Пролетарском, Родионово-Несветайском) все населенные пункты радиофицированы. Телефонную связь имеют 62% населенных пунктов. На значительном расстоянии (дальше 15 км) телефонная связь находится у 12% населенных пунктов. Почтовое отделение далее 10 км имеют 15% населенных пунктов.

Все населенные пункты имеют вблизи начальную общеобразовательную школу, у 94 или 3% населенных пунктов школы находятся на расстоянии дальше 5 км. У себя имеют начальную школу 49% населенных пунктов. Далее 5 км находятся восьмилетние школы у 38% населенных пунктов и средние общеобразовательные школы у 64% населенных пунктов области. Населенные пункты по наличию культурно-бытового, медицинского и другого обслуживания группируются следующим образом (таблица 6).

Таблица 6

**Группировка сельских населенных пунктов
Ростовской области по числу социальных учреждений
(1969 г., в % к общему количеству сельских населенных пунктов)**

Виды учреждений	Число населенных пунктов, имеющих учреждения:	
	У себя	Далее 5 км
Больница	7	74
Ясли, сады и ясли-сады	37	5
Клуб	67	7
Библиотека	39	26
Спортплощадка	33	39
Магазин	72	6
Столовая	22	51
Бытовое обслуживание		Далее 10 км
Парикмахерская	10	52
Общественная баня	21	38
Швейная мастерская	11	51
Сапожная мастерская	6	67

Наличие транспортных связей отражено в таблице 7.

Таблица 7

	Число населенных пунктов, находящихся на расстоянии, в %	
	До 5 км	Более 5 км
От автобусной остановки	74	26
От сельсовета	39	61
	До 10 км	Более 10 км
От райцентра	10	90
	До 15 км	Более 15 км
От железной дороги	31	69

Очевидно, что хорошие транспортные связи дали бы возможность улучшить бытовое и другое обслуживание населения в каждом населенном пункте².

Анализ миграции сельского населения, проведенный областным статистическим управлением, наглядно свидетельствует о том, что в решении проблем трудовых ресурсов в сельском хозяйстве области первоочередную роль должна играть активизация социальной политики, целенаправленное и масштабное решение социальных проблем села. Не случайно в этой связи то, что идея об усилении внимания к социальным проблемам села в целях обеспечения сельскохозяйственных предприятий кадрами получила широкое отражение в постановлениях органов власти и управления, в выступлениях руководителей области уже во второй половине 60-х годов.

В последующие годы миграция сельского населения области продолжалась. Динамика изменения численности сельского населения Ростовской области в сравнении с Российской Федерацией за период 1959-2002 гг. представлена на рисунке 1. Динамика удельного веса сельского населения в общей численности населения Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев и Российской Федерации отражена на рисунке 2.

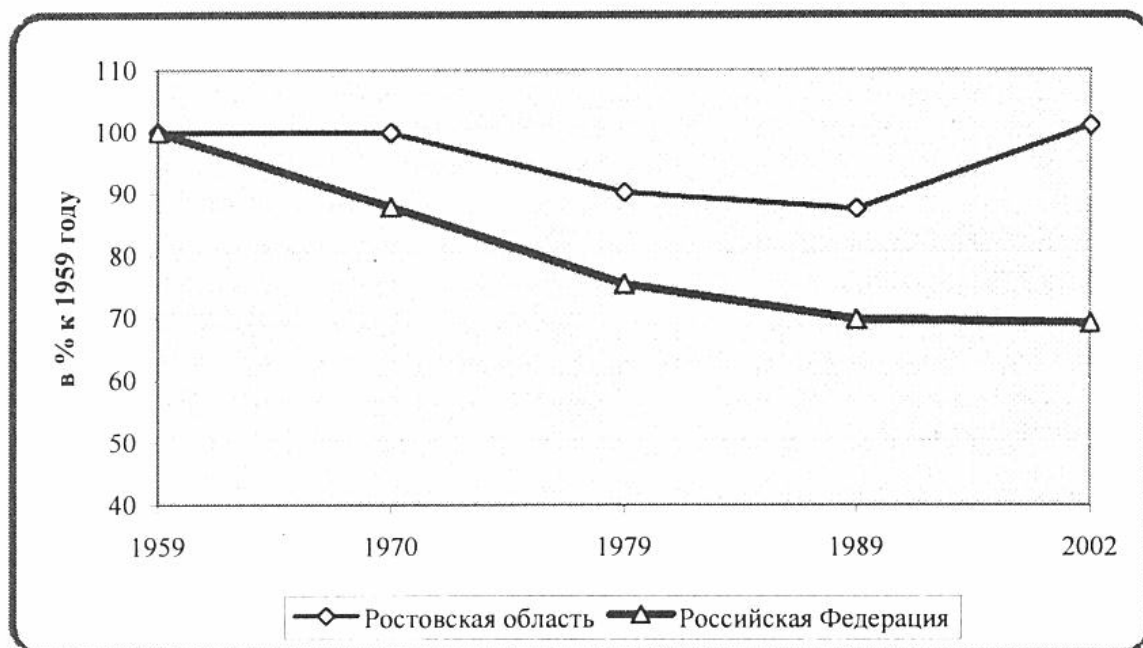

Рис. 1. Динамика темпов изменения численности сельского населения

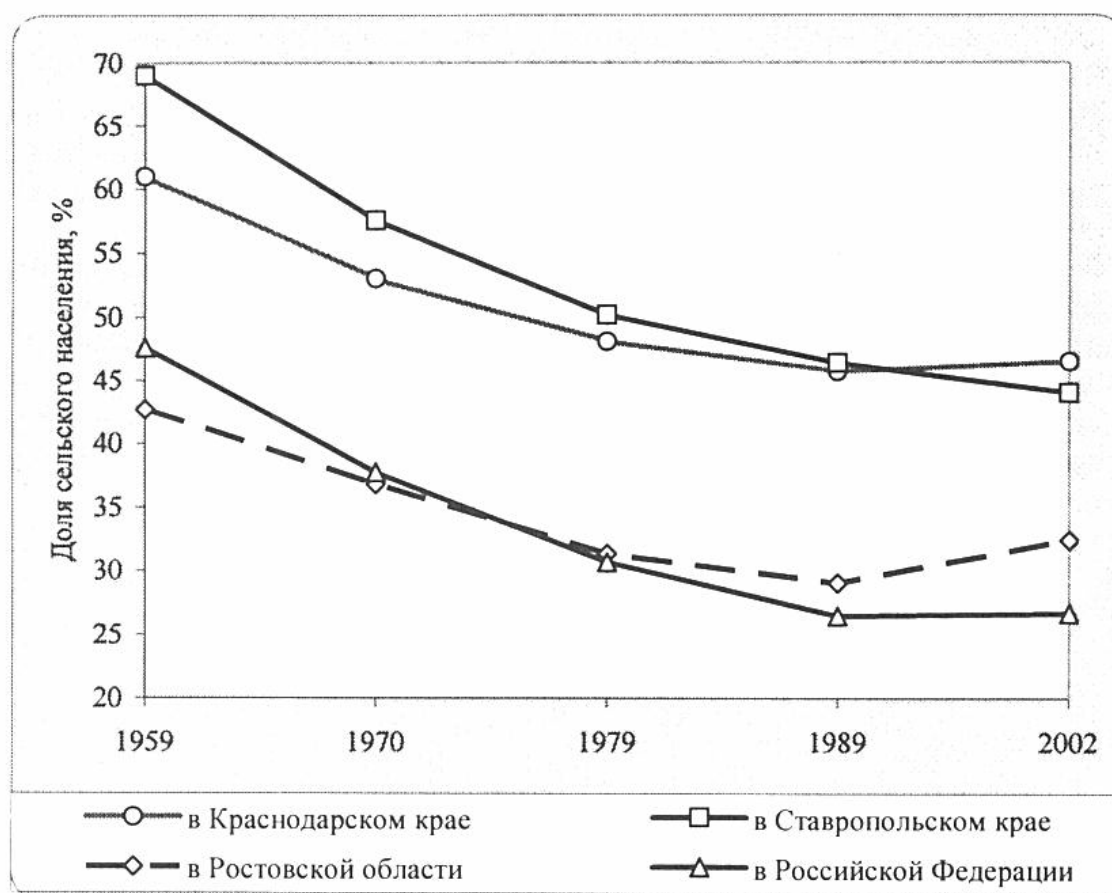

Рис. 2. Динамика удельного веса сельского населения в его общей численности

Как видим, Ростовская область относится к числу регионов Юга России с высоким уровнем индустриального развития. Доля сельского населения в общей численности населения существенно ниже, чем в соседних Краснодарском и Ставропольском краях, но от среднероссийских показателей отличается незначительно. На протяжении 1959-2002 гг. удельный вес сельского населения Ростовской области снизился с 42,7% до 32,4%, однако абсолютная численность сельского населения области, несколько снизившись в 70-80-е гг., возросла в 90-е годы. В результате численность сельского населения в начале XXI в. в Ростовской области превысила численность сельского населения конца 50-х годов XX в. Численность городского населения увеличилась за период 1959-2002 гг. с 57,3% до 67,6%, а в абсолютных цифрах с 1898,8 тыс. до 2978 тыс. человек, то есть более чем на 1 млн. человек.

Таким образом, процессы модернизации и урбанизации в Ростовской области отличались определенной спецификой. Миграция сельского населения не носила чрезмерного характера, не отличалась драматизмом, как, например, во многих регионах Нечерноземной зоны России. Однако сказанное не означает, что миграция сельского населения области не порождала проблем и не вызывала обеспокоенности у местного партийно-государственного руководства. В этой связи обратим внимание на следующее обстоятельство.

Рост городского населения в области и в стране требовал увеличения производства сельскохозяйственной продукции теми, кто оставался в деревне, кто продолжал трудиться в сельском хозяйстве. Ростовская область в 60-80-е годы увеличивала производство сельскохозяйственной продукции и наращивала поставки в союзно-республиканский фонд (таблица 8)³.

Таблица 8

Среднегодовые размеры валовых сборов и государственных закупок зерна в Ростовской области,

Показатели	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990
Валовые сборы зерна, тыс. т	4976,6	5567,3	6166,0	6627,5	5346,3	7519,1
Государственные закупки: тыс. т	2372,7	2390,0	2659,3	2931,8	1937,1	3060,4
в % к валовому сбору	47,7	42,9	43,1	44,2	36,2	40,7

Дальнейшее увеличение производства сельскохозяйственной продукции неизбежно упиралось в проблему обеспечения сельского хозяйства кадрами. Вот почему в реальной политике проблема миграции сельского населения воспринималась через призму обеспечения села кадрами механизаторов, животноводов, агрономов, инженеров сельскохозяйственного производства. Нельзя при этом не отметить, что областное партийно-государственное руководство провозглашало подчас необосно-

ванные, проектерские планы производства сельхозпродукции. Так, в середине 70-х годов ставилась задача ежегодно производить не менее 8 млн. т. зерна, в конце 70-х гг. – не менее 8-9 млн. т., а в 1981-1985 гг. увеличить производство зерна до 10 млн. т.⁴. Разумеется, эти конъюнктурные планы не выполнялись (максимальный сбор зерновых в области был в 1990 г. – 9666,8 тыс. т.), но при этом не только деформировали структуру посевных площадей, отвлекали ресурсы от производства других видов продукции, порождали приписки и административный нажим, но и требовали дополнительных рабочих рук.

Как воспринималась проблема обеспечения сельского хозяйства кадрами во второй половине 60-х годов? Для ответа на этот вопрос воспользуемся материалами о состоянии и использовании трудовых ресурсов области, полученными в результате обследований, проводившихся на рубеже 60-70-х годов отделом по использованию трудовых ресурсов Ростовского облисполкома и партийными органами.

Трудовые ресурсы, занятые в сельском хозяйстве составляли 24,6% всех занятых в народном хозяйстве трудовых ресурсов и 30,7% от занятых в отраслях материального производства. Удельный вес колхозников в численности занятых в сельском хозяйстве составил 59,4%. Сельское хозяйство по численности занятой рабочей силы занимало в области второе место после промышленности. Темпы прироста занятых в сельском хозяйстве из года в год снижаются. В 1967 году по сравнению с 1966 годом количество занятых в сельском хозяйстве уменьшилось на 0,1%. Это отражает закономерный процесс перераспределения трудовых ресурсов из сельскохозяйственного производства в другие отрасли, главным образом, в промышленность⁵.

Как изменилась численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, видно из таблицы 9⁶.

Таблица 9

Среднегодовая численность работников, занятых в основном производстве совхозов, и колхозников, принимавших участие в работах колхозов (тыс. человек)

Годы	Работники совхозов	Колхозники	Всего
1965	157,0	252,8	409,8
1970	160,0	246,6	406,6
1975	159,2	221,0	380,2
1980	174,1	202,9	377
1985	171,3	193,7	365

Таким образом, за 20 лет среднегодовая численность колхозников сократилась на 59,1 тыс. человек, а работников совхозов возросла на 14,3 тыс. человек, общее сокращение, таким образом, составило 44,8 тыс. человек. При этом число колхозов увеличилось с 305 до 361, а число колхозных дворов сократилось с 178,6 тыс. до 172,0 тыс., число совхозов

возросло с 218 до 375⁷.

В то же время в сельской местности трудовые ресурсы использовались далеко не полностью. Результаты обследования, проведенного в 1968 г. отделом по использованию трудовых ресурсов облисполкома, показали, что не занято в общественном производстве более 43 тыс. человек трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, в том числе: агрономов и зоотехников более 300 человек, механизаторов сельского хозяйства – свыше 400 человек. Это происходит, по мнению отдела облисполкома, потому, что многие правления колхозов и местные советские органы не используют всех возможностей и прав для привлечения к труду неработающих членов колхозов и других граждан. Во многих хозяйствах не установлен минимум выходов, поэтому значительное число членов сельхозартелей не вырабатывают необходимого количества человеко-дней в году. Так, в колхозе им. Кирова Егорлыкского района свыше 56% трудоспособных колхозников не отработали даже 100 человеко-дней в год, в то время как средняя занятость в колхозах области составила 234 человеко-дня. Из 37 сельских районов в 18-ти показатель трудовой активности одного колхозника ниже среднеобластного⁸. В колхозах имелось в 1968 г. более 2,6 тыс. трудоспособных колхозников, не выработавших ни одного человеко-дня⁹. Во многих колхозах и совхозах велики потери рабочего времени из-за прогулов и отпусков по разрешению администрации. Вместе с тем в период напряженных сельскохозяйственных работ свыше 26 тыс. трудящихся привлекаются для оказания помощи из городов области¹⁰.

Неудовлетворительно во многих случаях используется рабочая сила в межсезонный период. По расчетам ученых Ростовского института народного хозяйства, в колхозах области в межсезонный период не работает 38 тысяч человек. По отдельным районам количество трудоспособных колхозников, не занятых в общественном производстве в межсезонный период, колеблется от 8% по Красносулинскому и Октябрьскому районам до 33,5% по Морозовскому району. В среднем по области эта величина составляет 16,2% к общей численности трудоспособных колхозников. Если к этому прибавить работников виноградарских, овощеводческих и зерновых совхозов, то эта цифра значительно увеличится. Использование этих трудовых ресурсов осуществляется крайне недостаточно во многом из-за слабого развития подсобных промыслов. Наличие промыслов и подсобных производств в колхозах области в 1966 г. характеризуется следующими данными:

мельницы всех видов	278.
крупорушки	141.
виноделие.....	41.
маслосырзаводы	21.
маслобойки	65.
переработка овощей и фруктов	24.
лесопилки.....	256.
кирпичные заводы.....	36.
каменные карьеры	11.
столярно-плотницкие мастерские	268.
<hr/>	
итого	1121.

В этих полукустарных производствах занято около 2500 колхозников. Таким образом, имеющиеся промыслы и подсобные производства не решали проблему занятости колхозников в межсезонный период. Поэтому наряду с переработкой сельскохозяйственного сырья и древесины, производством строительных материалов необходимо развивать переработку отходов промышленности, гончарное производство на местном сырье, изготовление товаров народного потребления и сувениров, изготовление деталей и узлов для заводов и фабрик, расположенных в крупных городах, подготовку колхозников-строителей для использования на строительстве в колхозах и городах¹¹.

По данным статистических органов, в сельской местности области в 1970 г. не училось и не работало молодежи в возрасте 16-19 лет 5378 человек, в том числе мужчин 2162, а в возрасте 14-15 лет – 394 человека¹².

Такова общая картина. Рассмотрим, как использовались ресурсы в колхозах и совхозах на примере Егорлыкского района. Численность населения района на 1 января 1972 г. составляла 33,1 тыс. человек, трудовые ресурсы – 18,6 тыс. человек или 56% численности населения. В 13 колхозах и совхозах работало 10,2 тыс. человек, т.е. около 2/3 занятых в общественном производстве. За последние пять лет население района уменьшилось на 800 человек или на 2,4%. Из колхозов и совхозов ежегодно выбывает значительное количество трудоспособного населения. В 1971 г. из района выбыло 1358 человек, из которых молодежь составила 40,6%. Как показали социологические исследования, основными причинами выбытия населения являются неудовлетворенность профессией и характером труда, отсутствие перспективы получения образования и повышения квалификации, неудовлетворенность оплатой труда, жилищными и культурно-бытовыми условиями. В результате в 1971 г. в хозяйствах района дефицит рабочей силы составил 409 человек.

Уровень трудовой активности колхозников и рабочих совхозов оставался низким. В 1971 г. в среднем одним трудоспособным колхозником выработано 247 человеко-дней или на 8,6% меньше рекомендованной

нормы, рабочим совхоза – 285 или на 25 человеко-дней меньше, чем в 1970 г.

По расчетам Северо-Кавказской плановой комиссии для Ростовской области установлен минимум выхододней на одного трудоспособного колхозника в 270 человеко-дней, в том числе для мужчин – 280, для женщин 260. Однако в колхозах «Искра», им. Кирова для мужчин установлен минимум 250 дней, для женщин 200 дней. В целом по району в 1971 г. 245 человек или 3,6% трудоспособных колхозников не выработали ни одного дня и 772 человека отработали менее 100. Особенно неудовлетворительно обстоит дело в колхозе им. Кирова, где 231 человек не выработал ни одного дня, а 308 человек, в том числе 158 мужчин, отработали менее 100 дней. В хозяйствах района 60% трудоспособного населения, выработавшего менее 100 дней, заняты в домашнем и личном подсобном хозяйстве, 19% – уходом за детьми. В колхозах и совхозах по причине неполной занятости потери годового фонда рабочего времени в 1971 г. составили 301,8 тыс. человеко-дней. В колхозах им. Кирова и «Заря» степень использования рабочего времени равняется соответственно 76 и 85%. Материалами обследования по 8 хозяйствам района установлено, что даже в период максимальной нагрузки сельскохозяйственных работ за 7 дней августа 1972 г. потери рабочего времени по неважным причинам среди работников полеводства составили 696 человеко-дней или в среднем более 7%.

Большой ущерб сельскохозяйственному производству наносит текучесть рабочей силы. За 1971 г. коэффициент текучести по совхозам района составил 13,3%. За 1967-1971 гг. в среднем ежегодно выбывало из колхозов и совхозов 208 механизаторов или 17% к их количеству. Только за 1971 г. уволилось из хозяйств 76 доярок (11,2%), скотников, телятниц, свинок – 92 человека (8,1%), работников строительства – 84 человека (15,2%).

Многие партийные организации, сельские Советы мало занимаются вопросами занятости колхозников и рабочих совхозов в межсезонный период. В июле 1971 г. в хозяйствах района не работало 465 трудоспособных колхозников, а в декабре 1240, или 18,3% общей численности. Однако в районе подсобные предприятия не получили широкого развития.

Недостатки в использовании трудовых ресурсов отрицательно влияют на производство сельскохозяйственной продукции. За 1971-1972 годы колхозы и совхозы не выполняют планы производства и продажи государству всех основных видов продуктов растениеводства и животноводства¹³.

Как следует из представленных материалов, значительная часть колхозников и работников совхозов вообще не была занята в общественном производстве; многие колхозники и работники совхозов не слишком обременяли себя трудом в колхозе или совхозе, предпочитая значительную часть времени трудиться в собственном хозяйстве или заниматься полу-

легальным бизнесом (производство меховых изделий, выращивание ранних овощей, цветов и т.п.); наконец, и те, кто трудился главным образом или почти исключительно в колхозе или совхозе, могли работать не очень добросовестно, понимая, что государство им все равно заплатит. Следовательно, проблемы в развитии сельского хозяйства области возникали не из-за миграции как таковой (она объективна, неизбежна, закономерна). Главные проблемы возникали там и тогда, где и когда плохо использовались трудовые ресурсы.

Во многом по причине плохого использования трудовых ресурсов на протяжении всего периода существовал феномен отстающих, убыточных, нерентабельных хозяйств, работники которых фактически получали от государства то, что не зарабатывали. К примеру, в результате невыполнения производственных планов и существенных недостатков в работе в Красносулинском районе денежные средства колхозов в 1968 г. уменьшились на 1603 тыс. рублей, прибыль сократилась с 5355 тыс. рублей в 1967 г. до 3774 тыс. рублей в 1968 г. Особенно большие убытки хозяйства района несли при производстве животноводческой продукции. Так, если в 1966 г. убытки от животноводства составляли 331 тыс. рублей, то в 1967 г. – 635 тыс., а в 1968 г. – 939 тыс. рублей. Имеют место очковительство, приписки и другие нарушения, в результате чего в 1968 г. перерасход по фонду заработной платы на фактически произведенную валовую продукцию в колхозах составил 1936801 рубль¹⁴.

Широко распространенной на протяжении всего периода была ситуация, когда рост заработной платы в колхозах и совхозах опережал рост производительности труда, а удельный вес заработной платы в доходах был завышенным. Так, в Октябрьском районе, как отмечало бюро обкома в августе 1970 г., повышение заработной платы производится нередко без учета роста производительности труда, количества и качества продукции, снижения себестоимости, а премии выплачиваются при невыполнении производственных планов. В колхозе им. XX съезда в 1969 г. дояркам было выплачено около 2 тыс. руб. премий, хотя надой на фуражную корову был самым низким в районе (1643 кг), а его себестоимость 17 руб. 82 коп. (самая высокая в районе). В колхозе им. Фрунзе при невыполнении производственной программы по растениеводству в 1969 г. было выплачено 15,9 тыс. рублей премий. В результате значительная часть доходов хозяйств выделялась на заработную плату. В ряде хозяйств удельный вес заработной платы в доходах составляет от 60% до 94%¹⁵. В колхозе «Родина» Каменского района при сокращении в 1971 г. по сравнению с 1970 г. производства валовой продукции в расчете на отработанный человеко-день на 14% оплата труда возросла на 12%¹⁶.

Еще один характерный пример, относящийся уже ко второй половине 70-х годов. 35-ти экономически слабым колхозам области за 1976-1980 гг. было выделено 842 трактора, 296 грузовых автомобилей, 736 зерновых комбайнов. Семи хронически убыточным совхозам было выделено капитальных вложений для строительства 16,1 млн. рублей, в них

построено 120 двухквартирных домов, детских садов на 150 мест, два дома культуры на 425 мест. В экономически слабые колхозы за 5 лет было направлено капитальных вложений в строительство 44,1 млн. рублей. В 1980 г. введено жилья 9,1 тыс. м², в жилищное строительство было вложено 2,1 млн. рублей. В 1980 г. в отстающие хозяйства направлено 167 молодых специалистов и 437 механизаторов¹⁷. Причем, все это фактически безвозмездно.

Разумеется, проблема отстающих хозяйств носила многоплановый характер, однако очевидно, что одна из основных причин экономической несостоятельности многих хозяйств – крайне неэффективное использование трудового потенциала из-за несовершенства форм организации и оплаты труда, формального характера хозрасчета, бесхозяйственности и т.п. Не миграция, а плохое использование трудовых ресурсов – вот главная проблема сельского хозяйства области.

Поддерживать уровень производства сельскохозяйственной продукции, тем более увеличивать его, можно было только на основе повышения производительности труда или за счет привлечения дополнительной рабочей силы. В этих условиях решение проблемы кадров виделось в стратегическом плане через укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, что позволяло повысить производительность труда и тем самым компенсировать выбытие рабочих рук из сельского хозяйства, а также ускоренное развитие социальной сферы села, что могло бы приостановить нежелательный отток рабочей силы. Как на практике осуществлялась эта политика?

В 60-80-е годы рост капиталовложений, развитие производственной базы предприятий сельскохозяйственного машиностроения, расширение производства минеральных удобрений и строительство мелиоративных систем способствовали укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. К началу 1983 г. основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения превысили уровень 1965 г. в 4,7 раза, энерговооруженность труда возросла более чем в 3 раза, электровооруженность – в 7 раз, поставки минеральных удобрений (в действующем веществе) – в 2,3 раза, площадь мелиорированных земель – в 2 раза. Тем не менее, состояние технической базы сельского хозяйства не соответствовало уровню, необходимому для эффективного ведения сельскохозяйственного производства. Уровень технической оснащенности сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий к началу 80-х гг. остается ниже, чем в развитых странах. На 1000 га пашни в 1979 г. в СССР приходилось 11,5 тракторов, в 1978 г. в США – 30, в 1977 г. в Великобритании – 72, Франции – 81, ФРГ – 194, Италии – 85. Зерноуборочных комбайнов в 1979 г. на 1000 га приходилось: в СССР – 5,7, в 1977 г. в США и Великобритании – 15, Франции – 19, ФРГ – 33, Италии – 8. В результате растягивались сроки выполнения работ. От несвоевременной уборки терялось 18-20 млн. т зерна. Если в СССР 27% зерновых обрабатывается гербицидами, то в Финляндии – 99%, Англии – 75-95%, Дании – 90%, Болгарии – 90%, Швеции – 75%,

ФРГ – 65-75%. В результате потери зерна в СССР достигали примерно 30 млн. т. Необеспеченность хранилищами приводила к порче зерна, что наряду с уничтожением его вредителями наносит ущерб, равный 5-6 млн. тонн¹⁸.

В связи со сказанным обратим внимание на следующее обстоятельство. Объемы производства сельскохозяйственной продукции в области были огромны. Но огромны были и потери продукции, связанные с недостатком холодильных емкостей, складов, зернохранилищ и т.п. Эта проблема, естественно, носила общероссийский характер, но наиболее болезненно отражалась там, где были значительны объемы производства сельхозпродукции. Так, в 1967 г. в результате перевыполнения планов производства мяса, животного масла в области сложилась крайне напряженная ситуация с сохранностью мясомолочной продукции из-за дефицита холодильных емкостей¹⁹. Областное руководство не знало, как использовать произведенную крестьянами продукцию. Наверное, впервые в истории области возникли проблемы не из-за недорода продукции, а из-за ее перепроизводства! Другой пример. Только с 1974 г. в колхозах и совхозах области стало осуществляться охлаждение молока на фермах. В 1979 г. доля заготовленного охлажденного молока составляла в области 11,8%, в Краснодарском крае – 51,2%, Ставропольском – 32,2%, в целом по РСФСР – 35,3%²⁰. Нарастивать далее объемы производства сельскохозяйственной продукции при таких условиях было нерационально. Между тем именно неуклонный рост производства был приоритетной задачей аграрной политики. При такой однобокой стратегии дефицит кадров в сельском хозяйстве становился неизбежным.

Модернизация производственной базы сельского хозяйства не была завершена, что отражалось на решении проблемы кадров. Но с другой стороны, дефицит кадров не позволял решать более эффективно и проблемы укрепления материально-технической базы сельского хозяйства. Одна из причин этого – недостаточное внимание к развитию социальной сферы села. К началу 60-х гг. сохранялся недопустимо глубокий разрыв в уровне и темпах социального развития города и села. В социально-экономическом плане село отставало от города на многие десятилетия. Это проявлялось в огромной доле физического, преимущественно ручного труда, низком уровне благосостояния, дискомфорта быта, примитивности повседневной культуры, ограниченных возможностях получения образования, недоступности квалифицированных медицинских услуг, значительно худшем состоянии здоровья и меньшей продолжительности жизни селян. Состояние здоровья возрастных категорий сельского населения в конце 60-х гг. соответствовало здоровью горожан 15-20 годами старше²¹.

В 60-80-е гг. обозначился поворот государства к социальным проблемам. В этот период повышался уровень индустриализации сельскохозяйственного труда, происходили прогрессивные перемены в профессиональной и образовательной структуре кадров, расширялась сфера несельскохозяйственных видов деятельности, совершенствовалась социальная

инфраструктура села, возрастали доходы сельских семей и сокращался разрыв в доходах городского и сельского населения. Вместе с тем, поворот в сторону социальных проблем села оказался не таким масштабным, как требовалось.

В середине 60-х гг. условия труда и быта в сельских районах области были сложными. Оставался низким уровень механизации производства, особенно в сфере животноводства. На фермах крупного рогатого скота и свиноводства водоснабжение было механизировано на 51-79%, уборка помещений – на 20-38%, раздача кормов – на 7-34%. На механическое доение было переведено 118 тыс. коров, или 24% поголовья. Комплексно механизировано было лишь 8% коровников²².

Крайне низким был уровень электрификации и газификации села. Потребление электрической энергии сельским хозяйством области за 1964 г. составляло 6,8% от общей реализации системой «Ростовэнерго», в том числе на производственные нужды – 4,1%. Из 27 райцентров и 558 колхозов и совхозов работы по газификации в 1966 г. на природном и сжиженном газе велись только в 5 населенных пунктах и 18 хозяйствах. Из 371 тыс. квартир в сельской местности было газифицировано лишь 0,3% (приблизительно 1 тыс.). Вместе с тем вблизи магистральных газопроводов было расположено много населенных пунктов, в которых можно было газифицировать тысячи квартир и подать газ на производственные нужды 170 колхозов и совхозов²³.

Оставался низким уровень бытового обслуживания сельского населения. Так, из проверенных Комитетом народного контроля при Совете Министров СССР 286 колхозов и совхозов области только 90 имели на центральных усадьбах дома быта или комплексные приемные пункты. Если в целом по области на душу населения в 1965 г. оказывалось бытовых услуг на сумму в 10 рублей в год, то в сельской местности – на 5 рублей 20 копеек. В сельской местности остро не хватало магазинов, предприятий общественного питания, низкой была культура обслуживания. Ощущалась нехватка жилья, низким был уровень его коммунального обустройства²⁴. Следствием такого положения дел были значительные трудности в обеспечении кадрами, особенно специалистами с высшим образованием.

Во второй половине 60-х гг. внимание к социальным проблемам села усиливается. Причем речь идет не столько об увеличении количественных параметров социальных программ, сколько о начале качественно нового этапа в социальном развитии села, когда начал осуществляться комплекс мер по завершению электрификации села и широкому использованию электроэнергии в домашнем хозяйстве и бытовом обслуживании, газификации села, созданию службы быта как самостоятельной отрасли экономики, насыщению села товарами длительного пользования, завершению перевода колхозов на ежемесячную гарантированную оплату труда и пенсионное обслуживание, переходу к всеобщему среднему образованию сельской молодежи.

Анализ статистических данных, материалы социологических опросов свидетельствуют о положительной динамике в развитии социальной сферы. В 60-80-е гг. в сельской местности региона было построено много жилья, школ, учреждений здравоохранения, клубов, домов быта, магазинов, проведены значительные работы по газификации, телефонизации населенных пунктов, строительству дорог. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства увеличилась с 78 рублей в 1965 г. до 124,3 рублей в 1970 г., 168,7 рублей в 1985 г. В сельской местности была создана система пенсионного обслуживания.

Важно также подчеркнуть, что на селе был обеспечен гарантированный минимум социальных благ, создана скромная, но достаточно надежная система социального обеспечения и социальной защиты населения, в основе которой лежали гарантированная заработная плата, возможность свободного трудоустройства, общедоступная система пенсионного обслуживания, бесплатное образование молодежи, доступ к культурным ценностям, возможность получения медицинской помощи, хотя и не на высоком уровне. Уравнительный принцип в социальной сфере исключал резкое расслоение общества, пауперизацию, возникновение широкого слоя бедноты.

Однако обеспечить глубокие качественные перемены в социальном развитии села не удалось. В области имелось немало населенных пунктов, где не было сетевого газа, водопровода, телефона, школ, клубов, учреждений здравоохранения и т.п. В 1989 г. в 1126 населенных пунктах области, где проживало 197 тыс. человек, отсутствовали детские дошкольные учреждения, а в 24 районах ощущался острый недостаток школ. Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями составляла 62,6%, что на 17,4% меньше норматива. В Константиновском, Багаевском, Морозовском, Орловском районах 14-17% сельских школьников обучалось во вторую смену. Медленно развивалась материально-техническая база общественного питания и торговли. Лишь на 40-45% обеспечены технологическим оборудованием столовые колхозов и совхозов. Обеспеченность местами в столовых колхозов составляла 81%, а в ряде районов – 30-45% к норме. В 294 селах отсутствовали стационарные магазины, а в 250 не было предприятий торговли. В 848 населенных пунктах с населением в 130 тыс. человек не было учреждений здравоохранения. В ветхих, порой просто убогих зданиях размещалась почти десятая часть мест в центральных районных больницах и около 16% коек участковых больниц. Теснота, палаты на 8-10-12 человек – правило для сельских больниц. Палатная площадь на больничную койку в два раза меньше нормативной. В сельской местности не хватало более 1100 врачей и 1200 среднего медперсонала. Каждая четвертая заявка на медицинские лекарственные средства не удовлетворялась. На одного сельского жителя оказывалось бытовых услуг на 7 рублей меньше, чем на городского жителя. Жители 953 хуторов, где проживает 172 тыс. человек, не могли воспользоваться услугами библиотек, а в 544 вообще отсутствова-

ли какие-либо формы культурного обслуживания. Обеспеченность водой не отвечала санитарным нормам: централизованным водоснабжением было охвачено менее трети сельского населения; природным газом к концу 80-х гг. пользовалась лишь каждая десятая семья. Низкая обеспеченность жильем, отсутствие культурно-бытовых условий, неупорядоченный режим труда и отдыха не способствовали созданию стабильных трудовых коллективов. За 1985 г. число людей, непосредственно занятых в сельскохозяйственном производстве, сократилось на 28,7 тыс. человек, лишь 35-40% выпускников школ связывали свою судьбу с сельским хозяйством. За 1986-1988 гг. из села уехало около 10 тыс. работников с высшим и средним специальным образованием, 16% специалистов. В Верхнедонском, Обливском, Зимовниковском, Дубовском районах уволилось 57% механизаторов²⁵.

Правда, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Обратим внимание на динамику числа населенных пунктов в области и численность их населения (таблица 10)

Таблица 10²⁶

**Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей
(по данным переписей населения)**

Показатели	Число сельских населенных пунктов (в границах соответствующих лет)				Численность населения, тыс. чел. (за 1959, 1970 гг. – наличное население, за 1979, 1989 гг. – постоянное население)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Сельские населенные пункты, всего	4338	2867	2467	2274	1377,9	1410,9	1285,3	1235,9
из них с числом жителей, чел.:								
до 5	248	13	25	21	0,8	0,1	0,1	0,1
6 – 10	244	37	29	35	1,9	0,3	0,2	0,3
11 – 50	688	255	205	237	18,4	8,2	6,2	7,1
51 – 100	549	275	270	255	40,4	21,1	20,7	19,0
101 – 200	904	585	503	433	134,3	87,0	75,5	63,8
201 – 500	1056	986	757	608	329,7	313,2	241,1	192,6
501 – 1000	399	412	369	395	269,2	292,3	262,9	285,1
1001 – 2000	150	197	208	197	200,4	263,3	275,2	267,7
2001 – 3000	52	54	45	41	122,3	130,2	103,6	97,0
3001 – 5000	26	31	36	28	101,4	119,4	140,1	107,3
5001 и более	22	22	20	24	159,1	175,8	159,7	195,9

Таким образом, сельское население было сосредоточено в 4338 поселениях в 1959 г. и 2274 в 1989 г., из которых лишь 20-24 имели численность от 5 до 10 тыс. человек. В то же время имелось много мелких населенных пунктов, в 24% из которых проживало в 1989 г. менее 100 жите-

лей, а в 43% - менее 200 жителей. Это исключало возможность организации в каждом населенном пункте полного комплекса обслуживания. Но вместе с тем делало особенно острыми проблемы дорожного строительства, телефонизации. Однако эти проблемы в области решались недопустимо медленными темпами.

В чем же причины социального отставания села Ростовской области? При наличии региональной специфики социальных процессов и просчетов областного руководства ведущую роль играли общие для страны причины, сдерживавшие экономическое и социальное развитие села. В течение десятилетий действовала система экономического и внеэкономического обеспечения приоритетного развития производственной сферы, городов и промышленности в ущерб развитию сельского хозяйства и села.

Сила традиций, инерция хозяйственной практики, особенности функционирования экономического механизма не позволили даже во второй половине 80-х годов, когда поворот к социальным проблемам был объявлен несомненным приоритетом политики КПСС, обеспечить перераспределение ресурсов на социальное сельское строительство. В сравнении с 1981-1985 гг. капитальные вложения на сооружение объектов производственного назначения в 1986-1990 гг. уменьшились почти на 125 млн. рублей, а их удельный вес снизился с 19,6% до 18,1%. Планы строительно-монтажных работ по объектам социально-культурного назначения были выполнены на 89%, по объектах производственного назначения – на 98%²⁷.

Таким образом, в 60-80-е годы не была обеспечена реальная смена приоритетов в социально-экономическом развитии города и села, производственной и социальной сфер. Как выглядели показатели социальной сферы села в сравнении с городом, видно из таблицы 11²⁸.

В социальном развитии донского села имели место позитивные тенденции, уровень социального развития и жизни на селе повышались, но не отвечали потребностям сельского населения. Масштабы и характер социальных перемен были недостаточны. Миграция, таким образом, происходила на фоне улучшения социальных условий жизни на селе, при крайне неэффективном использовании сельского трудового потенциала.

Но проблема состояла не только в том, что темпы и масштабы укрепления материально-технической базы и развития социальной сферы села были недостаточны. Решение этих проблем объективно требовало времени.

Таблица 11

**Некоторые сравнительные данные по социальному развитию
города и села в Ростовской области**

Показатели	По городам	По сельским районам
Благоустройство обобщественного жилого фонда на 01.01.1990 г, в % к жилой площади:		
Водопровод	90	39
Канализация	88	31
Центральное отопление	83	15
Ванны	82	25
Газ	79	73
горячее водоснабжение	62	7
удельный вес аварийного и ветхого жилья	1,9	2,2
Обеспеченность больничными койками (на 10 тыс. человек)	131,5	116,3
Обеспеченность поликлиниками (на 10 тыс. человек):		
посещений в смену	260	194,3
процент к норме	74,7	45,5
Число мест в гостиницах (на 1000 человек)	3,7	1,8
Количество телефонных аппаратов (на 100 семей)	24	14
Объем реализации платных услуг (на душу населения, руб.)	208,52	130,82
Объем реализации бытовых услуг (в среднем на жителя, руб.)	59,46	38,39
Удельный вес центральных усадеб колхозов и совхозов, соединенных дорогами с твердым покрытием (в процентах)	–	95,2
место в РСФСР по этому показателю	–	38

Между тем решение кадровой проблемы не терпело отлагательства. В этой связи областное руководство, хозяйственники пытались решить кадровые проблемы на «тактическом», сиюминутном уровне. Речь идет о таких мерах, как тогда казалось, временного характера, как привлечение к сельскохозяйственным работам горожан, прежде всего студентов и школьников, использование труда военнослужащих и заключенных. В качестве вынужденной меры можно рассматривать и кампанию по развитию женского механизаторского движения. Не имея возможности останавливаться на этих вопросах подробно, ограничимся отдельными типичными цифрами и фактами.

В 70-е годы приобрело массовый организованный характер привлечение студентов и школьников к уборке урожая. К примеру, в 1970 г. более 20 тыс. студентов вузов и техникумов были привлечены к сельскохозяйственным работам²⁹. В трудовом семестре в июле 1978 г. участвовало 38353 студента вузов, техникумов и учащихся профтехучилищ, в августе – 40098, большинство из которых было задействовано в колхозах и совхозах, на перерабатывающих предприятиях области. 8090 студентов и учащихся трудились в составе строительных отрядов, в том числе 6790

на территории области³⁰. В трудовом семестре 1980 г. участвовало более 50 тыс. студентов, учащихся и школьников³¹.

Разумеется, привлечение дополнительных рабочих рук в период напряженных сельскохозяйственных работ вполне логично и оправдано. Студенты и школьники выполняли немалый объем работ. К примеру, в 1977 г. учащиеся сельских профтехучилищ, организованные в 29 механизированных звеньев, убрали урожай на площади 7417 га и намолотили 140560 центнеров зерна. Старшеклассники сельских школ в составе 92 отрядов и звеньев вспахали 5,5 тыс. га, закультивировали 7,3 тыс. га, забороновали 15,3 тыс. га, посеяли яровых на площади 15,7 тыс. га, намолотили 180 тыс. тонн зерна. Студентами и учащимися собрано 120 тыс. тонн плодов и овощей, учащимися городских профтехучилищ убрано 58 тыс. тонн плодов, овощей, кукурузы и другой сельскохозяйственной продукции. Студентами вузов и учащимися техникумов произведено 40 млн. условных банок консервов³².

Однако в организации труда, быта и отдыха студентов на сельскохозяйственных работах, в оплате труда широко были распространены неорганизованность, нарушения действующего законодательства, бесхозяйственность и безответственность, в результате чего труд молодежи использовался неэффективно и расточительно. Нередки были и несчастные случаи из-за нарушения техники безопасности и недисциплинированности среди молодежи³³. Если к тому же учесть, что на время сельскохозяйственных работ студенты и школьники отвлекались от своей прямой обязанности учиться, то станет очевидной вся абсурдность и экономическая нецелесообразность по существу принудительного и экономически безответственного привлечения молодых людей к сельскохозяйственным работам. Но более важно (с точки зрения нашей проблемы), что широко-масштабное привлечение дешевого труда молодежи к сельскохозяйственным работам не решало проблемы обеспечения отрасли кадрами, не стимулировало поиск экономически эффективных форм использования рабочей силы, позволяло нерадивым хозяйственникам списывать свои просчеты на нехватку студентов и их нерадивость.

На протяжении всего периода 60-80-х годов в сельскохозяйственном производстве области применялся труд заключенных. Главным объектом труда заключенных было сельское строительство, в том числе мелиоративное. Использование труда заключенных отличалось недостаточной организованностью и эффективностью. Приведем типичные примеры. Как отмечалось в справке о трудовом использовании осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях Ростовской области (август 1967 г.), некоторые хозяйственные организации, например, Главдонводстрой, на протяжении длительного времени используют труд заключенных, однако используют его недостаточно эффективно, плохо. Так, Главдонводстрой на строительстве ирригационных сооружений использует около 300 человек из 470, допускает многочисленные простои. В Каменском тресте Ростсельстроя в нарушение закона 48-мичасовую

рабочую неделю для заключенных сократили на 8 часов, допускают простои³⁴. В целях обеспечения строительства рисовых совхозов рабочей силой за счет использования труда заключенных в 1969 г. была открыта в поселке Сухом Пролетарского района исправительно-трудоустроительная колония на 500 осужденных. Все они должны были быть трудоустроены на строительных объектах, однако, как отмечалось в письме областного управления внутренних дел в начале 1971 г., из-за плохой организации труда постоянно простаивало без работы свыше 50% осужденных. С другой стороны, в справке начальника Главдонводстроя отмечалось, что в колонии, рассчитанной на 500 человек, содержится 700 осужденных, что на строительстве жилья и производственных объектов в рисовых совхозах в 1971 г. будет задействовано 550 осужденных, что руководство колонии не увеличивает числа зон на строительных объектах³⁵, - словом, ответственность за плохое использование труда заключенных возлагалась на правоохранительные органы.

Труд заключенных использовался, таким образом, неэффективно, тем не менее, в январе 1971 г. руководство области обращается в Госплан СССР с просьбой о выделении Главдонводстрою условно-освобожденных лиц. Как сообщалось в письме, из-за отсутствия в районах строительства оросительных систем достаточного количества рабочей силы в 1966-1970 гг к работам привлекались условно-освобожденные лица. В письме содержалась просьба о выделении в 1971-1975 гг. на строительство водохозяйственных объектов 1000 человек условно-освобожденных ежегодно³⁶.

Регулярно привлекались к сельскохозяйственным работам военно-служащие, труд которых использовался в широких масштабах в строительстве и автомобильных перевозках. В 1971-1975 годах воинами Северо-Кавказского военного округа было перевезено свыше 10 млн. т. сельскохозяйственных грузов, в том числе более 7 млн. т. зерна. Военные строители участвовали в сооружении Краснодарского водохранилища, Большого Ставропольского канала, Николаевского гидроузла, Егорлыкской, Верхнесальской, Донецкой, Пролетарской, Нижне-Маньчской, Багаево-Садковской оросительных систем, ряда животноводческих комплексов, рисовых полей. На этих стройках за пятилетие было освоено свыше 250 млн. рублей капвложений. Введено в строй более 600 тыс. м² жилья³⁷. Как отмечалось в постановлении бюро обкома партии «О мерах по улучшению использования военно-строительных батальонов в объединении Донводстрой» (январь, 1989г.), четыре строительско-технических батальона на мелиоративном строительстве ежегодно выполняют работы в сумме 8,5 млн. руб., или почти 10% программы объединения. Однако в организации и оплате труда военных строителей имеются серьезные недостатки, велики непроизводительные потери³⁸.

Не получило широкого распространения женское механизаторское движение на Дону. То, что можно оправдать трагическими событиями военного времени, в 70-80-е годы выглядело анахронизмом. В 1969 г. в

Миллеровском районе области была создана первая женская тракторная бригада. Много слов было сказано об этом почине, много усилий приложено партийными работниками по созданию коллективов из числа женщин – механизаторов. Однако результат был незначительным. Среди женщин-механизаторов было немало настоящих тружениц, добившихся высоких производственных показателей, однако число женщин-механизаторов всегда оставалось незначительным. Так, за 1969-1979 гг. специальность механизатора получили более 9 тыс. женщин. В 1979 г. в области трудилось более 1800 женщин-механизаторов³⁹. В 1985 г. планировалось привлечь к работе на тракторах и комбайнах 5000 женщин⁴⁰. (Для сравнения: в 1971-1975 гг. среднегодовая подготовка механизаторов в области составляла 26,1 тыс. человек, в 1976-1979 гг. – 74,0 тыс., в том числе трактористов и комбайнеров соответственно 15,1 тыс. и 48,0 тысяч)⁴¹.

Женщинам-механизаторам не были обеспечены нормальные условия труда, быта и отдыха. Бюро обкома КПСС и облисполком в постановлении от 17 февраля 1976 г. поручали соответствующим структурам организовать полное техническое обслуживание мастерами-наладчиками всех машин, на которых работают женщины, осуществить программу строительства и оборудования машинных дворов, полевых станков со столовыми, душевыми, комнатами отдыха для каждой женской тракторной бригады, выделять женщинам-механизаторам новую технику, предоставлять в первую очередь жилье, путевки в санатории и дома отдыха, легковые автомашины для продажи, удовлетворять их запросы в устройстве детей в ясли, детские сады, школы с продленным днем, наладить квалифицированное медицинское, культурное и бытовое обслуживание, обеспечить организацию работы в две смены, нормальный режим труда и отдыха⁴². Те же самые задачи и почти теми же словами ставились и в постановлении бюро обкома КПСС и облисполкома от 6 декабря 1979 г.⁴³. Однако создать нормальные условия труда и быта для механизаторов оказалось непосильной задачей для областных партийных и хозяйственных органов. Не случайно, не выполнялись и планы по развитию женского механизаторского движения. Впрочем, главная причина не в этом, а в том, что механизаторский труд по своему характеру не предназначен для женщин. Вот почему курс на создание в массовом масштабе женских механизаторских бригад был не более чем авантюрой.

Таким образом, административная система искала пути решения кадровой проблемы на селе через использование нерыночных, командных механизмов. Такое внеэкономическое привлечение дополнительной рабочей силы было по сути своей мерой временной и неэффективной, которая не решала ни одной принципиально важной проблемы трудовых ресурсов, не устраняла ни одной из причин, порождавших дефицит трудовых ресурсов, по-прежнему ориентировала сельское хозяйство на экстенсивный путь развития.

С другой стороны, пытаясь решить проблему кадров исключительно

в рамках административной системы, партийно-государственное руководство одновременно отвергало использование рыночных регуляторов. Возможности для хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, предприимчивости, выходящие за рамки общественного производства, были весьма ограниченными. Правда, хозяйственная реформа 1965 г. как будто давали для этого шанс. Любопытно в этой связи следующее свидетельство. На собрании актива Ростовской областной партийной организации в апреле 1965 г. тогдашний Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов поставил вопрос о разрешении частной инициативы в службе быта, в кустарных промыслах⁴⁴. К сожалению, эти идеи не были реализованы, что ограничивало возможности эффективного использования трудового потенциала села.

Более того, система всеми мерами подавляла элементы рыночных отношений. В этой связи остановимся на такой показательной проблеме, как «шибайство». На протяжении всего периода 60-80-х годов в сельском хозяйстве существовала так называемая проблема «шибаев». Как отмечалось в материалах обкома КПСС «О состоянии и мерах по улучшению использования трудовых ресурсов области» (1970 г.), несмотря на имеющиеся значительные резервы в сфере сельскохозяйственного производства, колхозы и совхозы области, строительные и другие организации в сельской местности ежегодно привлекают на сезонные работы наемных рабочих.

Временные рабочие используются, в основном, на возведении производственных и культурно-бытовых объектов, а в сельскохозяйственном производстве – на выращивании бахчевых культур, овощей, уборке кукурузы, сена и соломы. За 1968 г. на этих работах было занято 16 тыс. человек. Следует, однако, отметить, что использование наемных рабочих производится в большинстве случаев с нарушением действующего законодательства. Сезонные рабочие получают зарплату в 3-5 раз больше, чем постоянные рабочие хозяйств. В целом по области средний заработок каждого члена наемной бригады превышает 350 руб. в месяц, а отдельных работников свыше 2 тыс. рублей в месяц, в то время, как постоянный рабочий получает 105-110 руб.

Во многих хозяйствах выявлены факты переплаты денежных средств наемным рабочим. Если в 1967 году в целом по области переплата составила 1557 тыс. рублей, то в 1968 году уже достигла 2330 тыс. рублей. В 12 районах области выявлены случаи, когда временные рабочие выполняли работу собственными материалами и механизмами, за счет хозяйства приобретали строго фондируемые, дефицитные строительные материалы на государственных промышленных предприятиях и стройках. Отдельные бригады имеют свои собственные строительные машины и механизмы.

В нарушение существующего законодательства колхозами практикуется выдача необоснованно крупных авансов, выплата заработной платы производится не лично каждому члену бригады, а бригадиру, имеют ме-

сто случаи выплаты без удержания налогов. В ряде хозяйств Цимлянско-го, Морозовского, Аксайского, Миллеровского и других районов допускают сдачу в аренду временным рабочим земельных участков, от использования которых последние получают неоправданно большие доходы. Имеют место случаи, когда работники наемных бригад привлекаются в качестве посредников в реализации продукции сельскохозяйственного производства с присвоением от 6 до 8% стоимости реализованной продукции. Рабочим этих бригад зачастую бесплатно предоставляются транспорт и продукты питания⁴⁵.

Много сил было потрачено областными ведомствами на искоренение такого явления, как «шибайство», да все напрасно. Проблема ставилась в постановлениях бюро обкома КПСС «О фактах извращений порядка найма и оплаты труда наемных рабочих в колхозах и совхозах области» (14 июля 1970 г.), «О ходе выполнения постановления бюро обкома КПСС от 14 июля 1970 года» (8 февраля 1972 г.), «О фактах грубого нарушения Основ земельного законодательства и извращения порядка найма и оплаты труда наемных рабочих в Багаевском районе» (14 марта 1972 г.), «О фактах извращения порядка найма и оплаты труда наемных рабочих в совхозах «Краснокутский» и «Веселовский» Багаевского района» (25 сентября 1973 г.), «О фактах грубого нарушения земельно-трудового законодательства и порядка реализации овощебахчевых культур в хозяйствах области» (12 августа 1975 г.), «О фактах грубого нарушения земельного законодательства некоторыми руководителями хозяйств области» (28 сентября 1976 г.), «О фактах злоупотреблений в реализации урожая бахчевых культур в хозяйствах Песчанокосовского, Октябрьского, Егорлыкского, Мартыновского, Семикаракорского и Багаевского районов» (26 августа 1980 г.).

Многочисленные решения областных органов по этому вопросу, привлечение к административной и даже уголовной ответственности виновных оказались бессильны там, где действовал экономический интерес, экономическая целесообразность. Административные запреты не могли искоренить подобные явления, ибо они, хотя и нарушали действующее законодательство, имели глубокие экономические корни, отражали несовершенство системы организации и оплаты труда. В экономически неэффективной системе экономическая целесообразность пробивала себе дорогу вопреки всем запретам. Видимо, понимание того факта, что «шибайство» не искоренить, что оно не случайно, а имеет глубокие корни, существует широко и повсеместно, приводило к тому, что боролись с ним совсем неактивно. По существу, явления, подобные «шибайству», были сегментами примитивного рынка в плановой системе. Если бы колхозы и совхозы имели реальную хозяйственную самостоятельность, возможность установления размеров заработной платы по труду, колхозники и работники совхозов трудились бы более эффективно, в том числе и в составе бригад-артелей на строительстве, в овощеводстве и т.п. Тогда вместо полулегальных «шибаев» существовали бы традиционные кре-

стьянские артели. Возможность получения высокого легального заработка была бы сильным стимулом для укрепления трудовой дисциплины, важным фактором повышения уровня жизни сельского населения, условием решения кадровых проблем, а, следовательно, в конечном итоге, способствовала бы повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Однако административная колхозно-совхозная система, зажатая в определенные правовые рамки, не смогла эффективно использовать трудовой потенциал деревни, российского крестьянства.

Вопреки кажущемуся дефициту трудовых ресурсов часть кадров сельского хозяйства могла быть переориентирована в сферу переработки, частично размещенную в сельской местности, часть кадров могла заняться промыслами, мелким строительным бизнесом, часть сельчан могла бы работать преимущественно или даже полностью в собственном хозяйстве. Все это позволило бы более эффективно использовать трудовой потенциал села, развернуть инициативу и предприимчивость, повысить уровень жизни, обустроить село. По нашему мнению, это было возможно в рамках существовавшей социально-экономической системы, однако не было дозволено, главным образом, по причинам идеологического догматизма. Необходимость реформирования системы производственных отношений советской колхозно-совхозной системы была осознана политическим руководством только в конце 80-х годов, когда было уже поздно. Смена аграрного курса не произошла. То есть произошла, но вместе со сменой политической и хозяйственной модели.

Следовательно, дефицит кадров в сельском хозяйстве определялся не миграцией как таковой, хотя она и порождала проблемы. Он был заложен в самом механизме функционирования аграрной политики КПСС, которая характеризовалась технократизмом, консервировала социальное отставание деревни, была ориентирована на одностороннюю гонку за валовыми показателями, недостаточно внимания уделяла системе переработки продукции, недостаточно стимулировала труд, порождала иждивенчество, не оставляла возможностей для развития индивидуальной и артельной трудовой деятельности в сельском хозяйстве, строительстве, бытовом обслуживании.

Миграция, урбанизация, сокращение численности крестьянства, представляющие собой закономерные процессы, свойственные регионам России, затронули и Ростовскую область. Непростые в силу своего характера, они приобретали острую форму под влиянием особенностей аграрной политики партии. Выбытие рабочих рук создавало проблемы в развитии сельского хозяйства. Подчас отток кадров из села был чрезмерным. В этих условиях необходимо было найти механизмы, способные, во-первых, снизить миграцию из сельской местности, во-вторых, компенсировать неизбежное выбытие рабочих рук и обеспечить эффективное использование наличного трудового потенциала. В 60-80-е гг. были опробованы различные механизмы для решения этой задачи, однако добиться ожидаемых результатов не удалось.

Миграция сельского населения в Ростовской области не носила чрезмерных масштабов, а во второй половине 80-х годов фактически приостановилась. Эффективных механизмов использования рабочей силы в сельском хозяйстве не было найдено. В этой связи, есть основания утверждать, что в сельскохозяйственном производстве области наблюдался избыток рабочей силы, называемый иногда аграрным перенаселением. Выбытие сельского населения происходило на фоне обеспечения социальной стабильности, укрепления социальной сфер, роста уровня жизни. Тем самым сельское население не выталкивалось из деревни, оно оставалось жить на селе, имея гарантированный минимум социальных и материальных благ. Государство, таким образом, не позволяло ситуации дойти до люмпенизации крестьянского населения. С этой задачей социальная политика справлялась. Однако обеспечить эффективное использование наличного трудового потенциала колхозно-совхозная система не смогла.

Объясняется это прежде всего тем, что активизировать трудовой потенциал, обеспечить повышение эффективности труда пытались прежде всего административными методами. Меры материального стимулирования были недостаточными, негибкими. Возможности для хозяйственной самостоятельности, предприимчивости, были весьма ограниченными, а значит, были ограничены и легальные возможности существенного повышения уровня жизни. По этой причине значительная часть трудового потенциала использовалась в личном подсобном хозяйстве, были широко распространены «левые» заработки, мелкие (и не очень) хищения по принципу «все кругом колхозное – все кругом мое». С другой стороны, в среде крестьянства распространялись настроения иждивенчества, равнодушия, безразличия к земле, выращенному урожаю, сельскохозяйственным животным.

Между тем инициатива, деловая хватка, тяга к самореализации, потребность в материально обеспеченной жизни в среде крестьянства могли бы реализоваться через развитие кооперации, мелкого бизнеса в сфере не только сельского хозяйства, но и сервиса, строительства, коммерции. В этих условиях был бы более эффективным и артельный, колхозный труд. С другой стороны, при этих условиях на селе оставались бы и творчески, инициативно трудились грамотные молодые предприимчивые люди, многие из которых, не найдя возможности для самореализации в селе, уезжали в город. В сочетании с более эффективной социальной политикой в сельской местности это позволило бы создать высокоразвитый аграрный сектор.

Государство, таким образом, не позволило использовать такие методы адаптации сельского социума к условиям модернизации, как активная социальная политика, кооперация, мелкий бизнес, артельный труд, индивидуальная инициатива. Разумеется, использование рыночных механизмов должно было находиться под контролем со стороны государства. В сельском хозяйстве, в сельской местности нужен регулируемый государ-

ством рынок. В случае отсутствия рынка не удастся оптимизировать миграцию, производительно использовать трудовой потенциал крестьянства и создать действительно высокоэффективный аграрный сектор. В условиях же существования так называемого «дикого рынка» неизбежно начинается деградация социальной сферы села, аграрного производства и крестьянства, что и произошло в 90-е годы прошлого века в России.

Примечания

- ¹ Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-на-Дону, 1986. С. 48-49, 53, 58, 65-66, 68.
- ² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 39. Д. 333. Л. 29-34.
- ³ Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-на-Дону, 1986. С. 58-63.
- ⁴ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 1. Л. 93; Оп. 60. Д. 75. Л. 28.
- ⁵ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 55.
- ⁶ Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-н / Д. 1986. С. 48-49.
- ⁷ Народное хозяйство Ростовской области в XI пятилетке. Ростов-н / Д. 1986. С. 48-49.
- ⁸ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 31-32
- ⁹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 348. Л. 99.
- ¹⁰ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 32
- ¹¹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 41-42, 55-58.
- ¹² ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 44.
- ¹³ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 167. С. 16-20.
- ¹⁴ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 39. Д. 679. Л. 78-79
- ¹⁵ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 39. Д. 324. Л. 12, 38.
- ¹⁶ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 170. Л. 92-93.
- ¹⁷ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 82. Д. 51. Л. 92-93.
- ¹⁸ ЦХСД. Ф. 5. ОП. 84. Д. 343. Л. 25-35.
- ¹⁹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 3. Д. 605. Л. 130-135.
- ²⁰ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 166. Л. 48.
- ²¹ См. Заславская Г.И. Страницы творческой биографии. // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950-1990-е гг.). М., 1999. С. 78.
- ²² ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 299. Л. 142, 143; Оп. 39. Д. 2. Л. 45.
- ²³ ЦДНИРО. Д. 149. Л. 51; Д. 235, Л. 21.
- ²⁴ ЦДНИРО. Д. 154. Л. 733-755; Оп. 39. Д. 150. Л. 48.
- ²⁵ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 101. Д. 65. Л. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 103. Д. 2. Л. 13, 21-22; Д. 399. Л. 58-60.
- ²⁶ Ростовская область: Статистический ежегодник. 1998. Ростов-на-Дону. 1999. С. 51.
- ²⁷ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 471. Л. 3.
- ²⁸ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 451. Л. 32.

- ²⁹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 39. Д. 368. Л. 61.
³⁰ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 68. Д. 7. Л. 53-60.
³¹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 29. Л. 6.
³² ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 68. Д. 7. Л. 46-47.
³³ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 32. Л. 130-135.
³⁴ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 3. Д. 605. Л. 256.
³⁵ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 428. Л. 54-57.
³⁶ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 195. Л. 2.
³⁷ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 75. Л. 112.
³⁸ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 8. Л. 10-12.
³⁹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 43. Л. 87.
⁴⁰ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 43. Л. 94.
⁴¹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 73. Д. 18. Л. 75.
⁴² ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 92. Л. 93-96.
⁴³ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 70. Д. 43. Л. 88-89.
⁴⁴ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 149. Л. 205-206.
⁴⁵ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 323. Л. 32-34